

ЭКСКЛ 3157

28 05. В. 72

Строители Куйбышевской
гидроэлектростанции

А. ВОЛЬФ

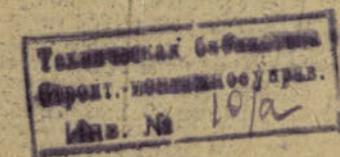
ИНЖЕНЕРЫ

А. ВОЛЬФ

ИНЖЕНЕРЫ

ОЧЕРК

КУИБЫШЕВСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1952

Редактор К. Чулкова
Техн. редактор С. Макаров
Корректор О. Долгановская

Сдано в набор 1/VII 1952 г. Подписано к печати 28/VIII 1952 г. ЕО02057. Тираж 8000.
Формат 84×108_{1/2}—бумажн. 0,875, печ.
л. 2,87. Изд. л. 2,93. Цена 90 коп. По
номиналу прейскуранта 1952 г.

9-я типография имени Мяги Ростовграф-
издата при Совете Министров РСФСР,
г. Куйбышев, ул. Венцека, 60. Заказ № 1520.

Инженер Вирхилио Льянос, молодой, стройный, с черными, как смоль, выющиеся волосами, легко шагает по лесной тропинке, поднимаясь к вершине холма. Рядом идет его жена Инна.

Вечер теплый и ясный. Под ногами шуршат листья—то желтые, как янтарь, то темнокрасные. В сухом осеннем воздухе разлит аромат хвои.

У вершины холма деревья внезапно расступились, и Вирхилио с Инной вышли на широкую светлую поляну. Инна остановилась, взглянула на открывающийся простор.

— Ой, как хорошо, Вирхилио! Ты только посмотри, как хорошо!

Внизу, за узорчатой, резко выделяющейся на фоне светлого неба кромкой леса блестела Волга — широкая и спокойная. Освещенная закатом, она переливалась расплавленной сталью. Лишь у противоположного берега, где поднимались, отражаясь в воде, Жигулевские горы, на глади реки лежала неровная темная полоса. В прозрачном воздухе струились веселые дымки пароходов, тут и там проносились, оставляя за собой сверкающий след, быстрые белые катера.

— Волга... — задумчиво проговорил Льянос, не отрывая взгляда от реки. — В Барселоне, в пятом полку, был парень из этих мест. Он пел о ней, прислонившись забинтованной головой к стене окопа: «Волга-Волга, мать родная»... Мне было тогда двенадцать лет, но я запомнил эту песню на всю жизнь. Да, я понимаю теперь, почему там, в окопах Барселоны, среди дымящихся развалин, боец пел о Волге. Смотри, как она прекрасна, какая неодолимая сила в ее движении...

— Да, Вирхилио, да...

— Жив ли тут русский доброволец, что рядом с испанцами дрался в Барселоне? Я так хотел бы когда-нибудь встретить его. Нет, наверное он погиб. Тяжелые тогда были дни... — Льянос подошел к жене, дотронулся до ее руки.

— Как хорошо, что именно здесь, на Волге, вот у этих гор, будет воздвигнуто сооружение, какого еще не знал мир, и что мне суждено вложить в него долю своего труда... Я часто вспоминаю последнюю встречу с Долорес Ибаррури. Мы побывали у нее перед окончанием института. Ибаррури говорила о призвании человека, о счастье борьбы за светлое будущее, о нашем завтрашнем дне... Это великое счастье, — сказала она, — работать в стране, строящей коммунизм, ити в шеренгах строителей коммунизма, в шеренгах, которые ведет товарищ Сталин. Свобода и счастье советской России — это свобода и счастье всех честных людей земли. Ты бы только видела, Инна, как горели ее глаза, когда она говорила это!

Вирхилио Льянос Мас родился в Испании. Отец его, режиссер по образованию, посвятил свою жизнь революционной борьбе. В 1934 году он был среди восставших астурийских горняков. В дни жестоких боев, когда республика, стиснутая со всех сторон огненным кольцом фронтов, отбивала натиск фашистских полчищ, когда израненная земля Испании обливалась кровью своих свободолюбивых сынов, он был на самых трудных участках борьбы. Валенсия, Барселона, Гвадалахара, Мадрид... Все это прошел комиссар Льянос.

В конце 1938 года пароход «Феликс Дзержинский» доставил в Ленинград группу испанских ребят. Среди них был и сын комиссара Льяноса — Вирхилио. Советская Родина растила и лелеяла его, как родного сына, она дала ему силу и крепкую волю, осуществила все его мечты и стремления.

Окончив Московский энергетический институт, Вирхилио Льянос вместе с женой, тоже инженером-энергетиком, уехал на Урал строить колхозные гидроэлектростанции. Работа захватила, увлекла его. Закончив одну стройку, он ехал на другую. Какая это была радость — видеть плоды своего труда, видеть, как над таежными селами вспыхивают россыпи электрических огней!

Постановление Советского правительства о сооруже-

В. ЛЬЯНОС.

нии самой мощной в мире Куйбышевской гидроэлектростанции Вирхилио услышал в пути — он ехал из отдаленного района домой, в Свердловск.

— Вы понимаете, 10 миллиардов киловатт-часов в год! — восторженно говорил Вирхилио своим спутникам, хотя каждый из них отлично запомнил все цифры, названные в постановлении. — Целый океан энергии! И за какое время построить такую ГЭС! За 5 лет! Этого только у нас, в Советском Союзе, возможно...

О том, что он поедет строить Куйбышевскую ГЭС, Льянос решил сразу. Он обязательно должен участвовать в такой великой стройке. Беспокоил один вопрос: как Инна? Их дочери пошел только второй годик.

Когда Вирхилио приехал, Инна спросила его:

— Ты видел свежие газеты, Вирхилио?

— Слышал по радио.

— Ну и как? — Она подошла к нему, заглянула в глаза.

— Ехать!

— Я знала, что ты так скажешь... И уже заготовила письмо в Министерство. Вот, почитай...

— А вдруг там не согласятся? Давай-ка, чтобы было надежнее, напишем в ЦК комсомола.

И вот они уже ровно год работают на строительстве Куйбышевской ГЭС.

...Солнце все ниже опускалось за пологие хребты Жигулей. Постепенно гасли огненные краски на лесистых склонах гор. Темная полоса, которая недавно была видна лишь у подножья гор, теперь застилала почти всю Волгу.

Льянос взглянул на часы.

— Нам пора возвращаться в город. В 9 часов я должен быть у главного инженера.

— Я догадываюсь, зачем тебя вызывает Шапошников. Наверное, переведут работать на участок.

— Это было бы замечательно! Сколько еще можно сидеть в управлении? Только на строительной площадке для инженера настоящая, боевая работа...

— Хорошо, что тебя не слышит сейчас начальник твоего отдела. Он бы тебе показал!.. Ноты по-своему прав. Место молодого инженера на участке. Однако, друг мой,

у нас так мало опыта! Пока одни дипломы... А там придется решать немало сложных задач и таких, которые не всегда решишь, заглянув в учебники.

— В твоем суждении есть противоречие, — улыбнулся Вирхилио. — Где же, как не на производстве, надо приобретать опыт! А трудности?.. Помнишь слова: человек может сделать все, что он захочет, если он действительно захочет, если вся воля его будет направлена к этой цели...

— Горький?

— Да.

Они спустились с холма и вышли на дорогу, ведущую к городу. С реки повеяло холодом. Сейчас, когда скрылось солнце, особенно сильно почувствовалось, что осень уже наступила. Льянос снял пиджак, накинул его на плечи жены.

...Увлеченные беседой, они незаметно подошли к городу, раскинувшемуся на прибрежной песчаной равнине. Проходя мимо высокой белокаменной церкви, Вирхилио сказал жене:

— Надо обязательно сфотографироваться с Машенькой на этой улице. Представь себе, что Машенька большая, и мы плывем с нею по бурному Куйбышевскому морю...

— И ты говоришь дочке, что, когда ей было два года, она ходила по дну этого моря?

— Совершенно верно, — рассмеялся Льянос. — И я покажу ей фотографию — вот здесь мы с тобой снимались... Купол церкви останется над водой. Из него сделают красивый маяк.

— Но дочка спросит тебя, что стало с домами этого города? — лукаво улыбнулась Инна, взглянув на мужа.

— О, еще бы! Обязательно расскажу ей о чудесных санях-самокатах! — в тон жене шутливо ответил Вирхилио.

Несколько месяцев назад начальник Куйбышевгидростроя объявил конкурс на лучший проект агрегата, который бы позволил перенести дома, не разбирая их, из затопляемой зоны на несколько километров выше. Интересная техническая проблема увлекла многих специалистов. Наряду с инженерами стройки в конкурсе приняли участие крупные специалисты из разных городов страны. Вирхилио Льянос стал работать над этой проблемой вместе с молодым инженером Никитиным.

Не одну ночь просидели они над расчетами задуманного ими приспособления, облекая идею в строгие и точные линии чертежей. Одновременно над проектом агрегата работала на строительстве и группа инженеров, возглавляемая автором многих ценных изобретений Дмитрием Железновым. К решению поставленной проблемы обе группы подошли одинаково. Те и другие предлагали ставить дома на «сани», передвигающиеся с помощью мощных тракторов. Особенно проста и оригинальна была конструкция, предложенная группой Железнова. Она позволяла быстро ставить дом на сани и везти его даже по самой неровной дороге. Проект Льяноса—Никитина привлекал другим. Молодые инженеры по-своему, новаторски, решили самое трудное — крепление дома.

На заседании комиссии, рассматривавшей многочисленные представленные проекты, председательствовал Шапошников. Долго и внимательно разглядывал он чертеж Льяноса и Никитина.

— Да, смелость чувствуется... есть смелость! — сказал он. — Если соединить этот проект с проектом группы Железнова, взяв лучшее, мы получим именно то, что нужно. Комиссия присуждает премию авторам обоих проектов. Рад, что нашим инженерам удалось успешно решить такую серьезную задачу...

И сейчас, идя по городу, Льянос живо представил себе, как дома, темневшие по обеим сторонам улицы, один за другим поедут из низины наверх, к солнечному сосновому бору. Им придется ехать на «санях» Льяноса—Железнова километров десять...

Вирхилю проводил жену и, не заходя домой, направился в управление Куйбышевгидростроя. Шапошников принял его тотчас же. Когда Льянос вошел, главный инженер, подперев ладонью седую голову, что-то сосредоточенно писал. Синий карандаш быстро бегал по листу бумаги, буквы ложились крупные, размашистые. Лицо главного инженера, обычно живое и энергичное, сейчас показалось Льяносу усталым.

Увидев Вирхилю, он кивком головы показал на стул и отодвинул в сторону бумаги.

— Дело вот в чем, товарищ Льянос. Решено перевести вас на участок, на правый берег. Назначаетесь старшим прорабом. — Шапошников встал. Коренастый, плотный, легким бесшумным шагом прошелся по каби-

нету. — Что сейчас у нас главное на правом берегу? Надо за зиму возвести перемычку, ограждающую подводную часть котлована под здание ГЭС. Задача весьма ответственная. Прошу взглянуть на эту схему. — Шапошников подошел к столу, развернул лежавший на нем чертеж, разгладил его мягкой ладонью. — Вот перемычка. Она вдается в русло реки на 400 метров и постепенно поворачивает сюда, к горе Могутовой, замыкая котлован. Да, протяженность ее почти полтора километра... Перемычка должна быть крепкой, как хорошая гранитная скала. Видите, как в этом месте идет река? Здесь самый быстроток. Весной перемычка примет на себя колossalный написк волжских вод. В одну секунду мимо горы Могутовой будет пронеситься до 75 тысяч кубометров воды. Больше миллиона кубометров грунта мы положим в перемычку. По всему ее периметру, вот здесь, пройдет сплошная двухярусная стена шпунтов. Одиннадцать тысяч тонн шпунта... Вот шпунт-то и беспокоит меня больше всего!

Шапошников отошел от стола, заложив руки за спину, прошелся по комнате. Седые, нависшие над глазами брови придавали лицу его суровость.

— Закоперщики сразу же встретились с большими трудностями. Тяжелый каменистый грунт. Темпы забивки шпунта совершенно неудовлетворительные... Вам, товарищ Льянос, приходилось когда-нибудь иметь дело с копрами? — главный инженер проницательно посмотрел на Льяноса.

Нет, инженеру Льяносу не приходилось руководить работой копров. Но весь этот год он упорно учился. Выполняя задания, связанные с первым подготовительным этапом строительства, Льянос старался глубоко вникать в перспективы стройки, готовился к главным работам, которые развернутся в будущем. Вечерами, уложив дочку спать, он вместе с женой садился за книги. Стройка еще только начиналась, но в библиотеке можно было найти все, что нужно. Он знакомился с новыми достижениями гидротехники, последнее время серьезно занялся копрами. Как только они начали работать на правом берегу, Льянос стал часто ездить туда, изучал эти сложные машины в эксплуатации. Очень много дали ему командировки на Цимлянский гидроузел, на одну из крупнейших строек Минска и в Москву — на строи-

тельство высотных зданий. Начальник Куйбышевгидростроя Комзин посыпал туда молодых инженеров только с одной целью — детально познакомиться с новыми, передовыми методами работ, с новой техникой, которая там применяется.

— Думаю, что с копрами я справлюсь, — ответил Вирхилио.

— Я в этом уверен, — кивнул головой Шапошников. — Главное, товарищ Льянос, умело опереться на коллектив. С вами будут работать замечательные мастера. Не только учите их, но и учитесь у них. Ну, не смею больше задерживать. Завтра увидимся на участке, — Шапошников протянул инженеру руку, встретился с ним взглядом.

— Прошу помнить, товарищ Льянос: мы посылаем вас на самый ответственный участок. Перемычка должна быть возведена до наступления весны во чтобы то ни стало.

— Понимаю, — серьезно ответил Льянос.

Когда он уже взялся за ручку двери, Шапошников остановил его.

— Да, совсем было забыл спросить... Как у вас по-двигается дело с вибраторами?

— Работаю. Но кое-что еще не ясно.

— Идея у вас верная, и надо смелее осуществлять ее. Работа на участке вам многое подскажет. Посоветуйтесь с экскаваторщиками.

Вибратор, о котором заговорил сейчас Шапошников, занимает Вирхилио давно. Как-то, приехав на правобережный участок, он задержался у котлована, наблюдал за работой гудевших в глубоком забое экскаваторов. Инженер обратил внимание на то, что при выгрузке большая часть липкого глинистого грунта остается на стенках ковша. Чтобы загрузить пятитонный самосвал, экскаватору приходится подавать не один, а два ковша. Заметив, что Льянос внимательно следит за работой машин, к нему подошел немолодой широкоплечий экскаваторщик. Инженер сразу же узнал его. Это был известный всей стране машинист Евец.

Сняв кепку и проведя рукой по густым, стриженным «ежиком» волосам, Евец сказал:

— Видите, какая картина получается, — экскаваторщик показал взглядом на развертывающийся к забою ковш. — Чуть не половина земли на нем осталась. Очень влажный грунт. А дальше, пожалуй, еще хуже будет.

Подпочвенные воды пропускать начинают... Что бы тут сделать такое, товарищ инженер?

— Над этим стоит подумать, Михаил Юрьевич. Дело серьезное.

— Тысячи кубометров теряем...

Мысль о вибраторе пришла внезапно. Вирхилио не спеша шел по широкому асфальтированному шоссе, ведущему от строительной площадки в Жигулевск. Навстречу, обдавая ветром, с шумом проносились мощные пятитонные автосамосвалы. Неожиданно одна из машин остановилась — впереди создалась «пробка». Шофер так резко затормозил автосамосвал, что взвизгнули тормоза и задрожал железный кузов. И вот тут-то Льянос заметил удивительное: стенки кузова, сильно облепленные глиной, в одно мгновенье стали совершенно чистыми.

— Вибрация! Гигантская сила вибрации... — мелькнула мысль у Льяноса. — Надо заставить вибрировать нижнюю стенку ковша!

Вирхилио рассказал жене о своей новой идее. Они вместе взялись за теоретические расчеты, искали мотор для вибрации, который можно было бы поставить на ковш экскаватора, способы его крепления... Но окончательно разрешить задачу пока еще не удалось.

— Буду продолжать работу, товарищ Шапошников, — твердо ответил Льянос главному инженеру.

II

На правом берегу Волги, у подножья величественной Могутовой горы сооружается котлован под здание Куйбышевской гидроэлектростанции. Он почти на километр раскинулся вдоль берега и далеко ушел в глубь долины. Миллион кубометров земли уже вынули экскаваторы, а надо еще вынуть в семь раз больше. Глубина котлована должна достигнуть сорока метров. Но, кроме того, надо отрыть котлован на огромной площади в русле Волги, там, где сейчас вольно играет речная волна. Большую работу предстоит выполнить строителям, чтобы дать возможность экскаваторам спуститься в русло Волги.

Шагая по обрывистому берегу реки, инженер Льянос смотрит на большой, поросший лесом остров, что темнеет у противоположного берега Волги. Около острова

виднеются серые корпуса землесосных снарядов. Их высокие круглые опоры издали походят на корабельные мачты. По дну Волги к правому берегу от земснарядов протянулась сеть пульпопроводов. Из железных труб, поднятых на эстакады, с шумом вырывается разжиженный грунт. Там, где он падает, со дна реки поднимается широкая песчаная грязь. Скоро по этой грязи проложат рельсовый путь, и паровые универсальные копры, которые работают сейчас на берегу, продвинутся вперед, начнут забивку шпунта в дно Волги. Инженер Льянос хорошо знает, как сложна и ответственна эта работа. Он видел, сколько трудностей приходилось преодолевать экипажам копров на строительстве Цимлянского гидроузла. Но разве можно сравнить условия работы там, на Дону, с тем, что встретится здесь, у горы Могутовой? Не песок, а тяжелые каменистые пласти должны преодолеть на своем пути двадцатиметровая железная шпунтина.

С Льяном поровнялся инженер Мартиросов — высокий худощавый человек в офицерской шинели. Ему вместе с Льяном поручено руководить строительством верхней части перемычки.

— О чём задумался, Вирхилио?

— Думаю о том, Константин Николаевич, что зима надвинулась, — ответил Льянос. — Смотрите, шуга во всю пошла.

Мартиросов, прищурив острые черные глаза, взглянул на Волгу, на остров, где неровными пятнами белел снег.

— Да, зима наступает, Вирхилио. Для нас, строителей, это будет суровая зима...

— Большие трудности придется преодолеть, Константин Николаевич. Как вы думаете, сумеют гидромеханизаторы намывать грунт зимой? На Волго-Доне землесосные снаряды с ледоставом кончили работу. А зима там менее холодная, чем у нас. И вообще, вы ведь знаете, сооружение плотин способом гидромеханизации в зимнее время считается невозможным.

Мартиросов, повернув голову, внимательно слушал Льяноса. Мужественное, резко очерченное смуглое лицо его было строго.

— Да, в мировой строительной практике, — сказал он, — действительно, нет примеров, которые бы доказывали

обратное. И все-таки, Вирхилио, я уверен, что зимой мы будем намывать перемычуку. Советским людям не впервые прокладывать новые пути и опрокидывать эту так называемую «мировую» практику...

Льянос познакомился с Мартиросовым недавно. Но между ними сразу же установились добрые дружеские отношения. Дружба с Мартиросовым давала Льяносу многое. Коммунист Мартиросов старше комсомольца Льяноса не только годами. За его плечами большой жизненный опыт. В сорок первом он строил оборонительные сооружения под Москвой, в сорок втором был полковым инженером в армии генерала Чуйкова, дрался на улицах Сталинграда. Потом, командуя гвардейским саперным батальоном, форсировал Днепр, Днестр, Буг, Вислу, Одер, Шпрее. Сколько переправ навел он со своими отважными саперами под бешеным артиллерийским огнем врага, сколько раз прокладывал дороги в минных полях! Восемь боевых наград вручила Родина гвардии капитану Мартиросову.

В первые дни работы, когда молодой инженер Льянос осваивал новое дело, он особенно часто видел рядом с собою этого человека. Нет, Мартиросов не стремился подсказывать Льяносу: у Вирхилио достаточно знаний. Он просто поддерживал и ободрял его, учил смелее, решительнее браться за дело.

Слушая сейчас Мартиросова, Льянос невольно вспомнил разговор, свидетелем которого он был утром в столовой. Сидевший за соседним столом багермейстер с земснаряда № 320, плотный, будто налитой, но подвижной и горячий человек, говорил светлорусому пареньку, бригадиру комсомольского экскаватора:

— Пусть мне кто угодно доказывает, а я на своем стоять буду: могут земснаряды работать зимой! Народ у нас смекалистый, с любыми трудностями справится.

— Правильно, — поддерживал его экскаваторщик. — Смотри, как наши «уральцы» на вязком грунте работают. А тоже говорили, что они для этого не приспособлены.

— Вот, вот... Об этом и я говорю. Знаешь, машинист, какая у меня думка? Сделать майну незамерзающей! Что недодумаем, инженеры помогут!

— Обязательно помогут. Смелее действуй, багер!

— А то как же! Не за тем я приехал сюда, чтобы сидеть на земснаряде да весны дожидаться.

Вирхилио смотрел на увлеченных беседой механизаторов и с волнением думал о том, с какими смелыми, сильными людьми шагает он рядом.

— Правильно, Константин Николаевич, — убежденно проговорил Льянос. — И копры надо заставить работать по-настоящему.

— Пока, Вирхилио, они работают очень плохо. Вчера второй копер за всю смену заколотил только половину шпунтины. Попался трудный пласт.

— Разведчики говорят, что в русле грунт еще каменистее. Что-то надо предпринимать... Вы к копрам идете, Константин Николаевич? Идемте вместе.

На головном копре, гордо поднявшем в небо свою сорокаметровую ажурную башню, работала смена Спирина. Бригадир, пожилой, приземистый человек, стоял на груде железа, сосредоточенно следя за работой машины. Тяжелый молот обрушивал на шпунтуну частые, резкие удары. На холодный воздух со свистом вырывался отработанный пар, белым облаком закрывая башню копра. Двадцатиметровая железная шпунтина глухо звенела.

— Как дела, бригадир? — весело крикнул Льянос, подходя к Спирину. — Наверное, третью уже поставил, а?

Гул стройки заглушил последние слова инженера, но бригадир понял его.

— Вторую никак не можем забить. Что-то с машиной неладно...

Льянос заметил во взгляде Спирина тревогу. Это чувство сейчас же передалось и ему. Он подошел ближе к копру, прислушался к ударам молота. Они были частыми, 120 в минуту, но с каждой секундой становились все приглушеннее, слабее. Мощность молота заметно падала.

По металлической лестнице Льянос быстро поднялся в машинное отделение.

За два месяца работы на участке он неплохо освоил паровую машину, знал ее теперь не только теоретически, но мог и разобраться в любой неисправности.

Копер работал со стуком.

— Пар идет на выхлоп. Слышите, Спирин?

— Правильно, в цилиндрах дело.

— Остановите машину. Будем разбирать.

До поздней ночи Льянос работал вместе с копровщиками на ремонте копра. Поломка была ликвидирована, но старший прораб уходил с площадки с тяжелым чувством. Задание по забивке шпунта не выполнялось. Вчера несколько раз на копрах рвались шланги, подающие пар на молот, сегодня цилиндр подвел... Очень много простоев. Кажется, он не жалеет своих сил, работает день и ночь, а заметных результатов пока нет. В чем же дело, что он упустил?

Задумавшись, Льянос незаметно дошел до управления участка. Здесь, в одном из кабинетов, он и живет: гостьница от площадки далеко, много времени уходит на разъезды. Вирхилио вошел в ярко освещенную теплую комнату и, сняв кожаное пальто, прилег на кровать. Весь день он пробыл на холодном ветру, чувствовался приятный озноб. Протянув руку, взял со стола книгу — новый, недавно изданный труд по гидротехнике, и углубился в чтение.

От этого занятия его оторвал телефонный звонок. Сменный десятник докладывал, что замерзли напорные шланги, прекратилась подача воды на копры.

— Насосы остановились, даю распоряжение гасить котлы...

— Ни в коем случае, слышите! — Льянос стремительно поднялся. — Воду подадут пожарные машины... Немедленно вызвать!

Через пятнадцать минут старший прораб снова был на строительной площадке, отдавал распоряжения бригадирам, командовал машинами, качавшими воду на копры. Энергичный, напористый, он поспевал везде.

Копры продолжали работать. Но что будет завтра? Сильные морозы только начинаются... Что делать с напорными шлангами? Сейчас, когда неотложные меры были приняты и срыв работы предотвращен, Льянос серьезно задумался над этим. Вот возникла еще одна проблема... А ведь он, старший прораб, должен был все это предвидеть!

К Льяносу подошел работавший в ночной смене машинист Михаил Бурдин. Он, несмотря на свой молодые годы, считается на стройке одним из самых опытных копровщиков.

— Трудное положение со шлангами получается, товарищ Льянос. Еще немного, пришлось бы остановли-

вать копры. Выходит, напорные шланги надо обогревать.

— Чем обогревать, Бурдин?

— Паром.

— От котла протянуть паропровод, пустить пар в шланги, так?

— Так, — улыбнулся Бурдин и весело потер руки. — И паропровод мы сделаем в два счета. Без мастерских обойдемся.

— Отличная мысль! — Льянос с уважением посмотрел на машиниста. Помолчав, задумчиво сказал:

— А забивка шпунта у нас неважко идет, Бурдин. Очень неважко.

— Выправим, товарищ Льянос. Мы же тут все коммунисты и комсомольцы. Если всем коллективом возьмемся, — выпрявим. Вот и Петр Дмитриевич так говорит.

Щуря от яркого света глаза, к копрам подошел секретарь партийного бюро района Иванов. Приходу его в столь поздний час никто не удивился.

— Ну-ну, что я такое говорю? — улыбнулся парторг, здороваясь с Льяносом и Бурдinem.

— О бойке шпунта речь идет, Петр Дмитриевич, — сказал машинист. — Быстрее положение выправлять надо. Время не ждет.

— Это верно. Время нас не ждет, — ответил Иванов. — Все возможности удвоить и утроить темпы забивки шпунта есть. И нас с вами товарищи вправе спросить: почему же мы плохо используем эти возможности?

— Главное, я думаю, найти правильный прием работы в наших условиях, — снова заговорил Бурдин. — Не грунт попался, а одно наказанье.

— Мощь наших копров вполне достаточна для преодоления таких грунтов, — сказал Льянос. — Все дело в том, что теряется сила удара. Вы заметили, Петр Дмитриевич, что делает молот с верхним краем шпунтины? Гнет его и рвет на куски.

— Еще бы не заметить! Спирин сегодня пока одну шпунтину забил, три раза резал ее автогеном.

— Бывает и хуже, товарищ Иванов, — добавил Бурдин, — столько другой раз срезаем, что шпунтина не достигает проектной отметки. Наставлять ее приходится. И время теряем и металл.

— Но какой же вы из этого делаете вывод, товарищи? — Иванов поочередно посмотрел на инженера и машиниста.

— Надо сделать верхний край шпунтины достаточно жестким, — ответил, подумав, Льянос. — Таким сделать, чтобы он выдерживал удар молота. Придадим шпунтине такую стойкость — в любой грунт пойдет.

— Вот бы решить эту задачу, — с жаром заговорил Бурдин. — Мы бы показали тогда, как надо шпунт бить!

Иванов взглянул на Бурдина повеселевшими глазами.

— А разве мы не в состоянии решить такую задачу? Давайте, соберем завтра обе смены копровщиков, поговорим о делаах. Народ многое подскажет. Главное, чтобы все люди хорошо поняли, как важно во-время построить перемычку.

— Наша бригада возьмет на себя обязательство забивать не три, а пять шпунтин. И всех копровщиков на соревнование вызовем.

— Замечательно, Бурдин! — черные глаза Льяноса засияли. — Дай твою руку...

— Вот и хорошо, — с волнением проговорил Иванов. — С этого и начнем.

Было уже два часа ночи, когда старший прораб Льянос и секретарь партийного бюро Иванов уходили со строительной площадки.

С Волги дул низовой сиверко, взвихривая редкий снежок, выпавший на застывшую землю. Покрытый тонкой ледяной коркой, асфальт звенел. Берег реки все больше окутывала густая морозная дымка. Разрезая ее, в небо поднимались призрачные голубые столбы — отблески огней, горевших на строительной площадке.

Шагая по дороге, Иванов говорил Льяносу:

— Одна из особенностей строительства, любого строительства, состоит в том, что в ходе его непрерывно все меняется, одна серия работ следует за другой. Вчера вы рыли котлован, сегодня забиваете шпунт, завтра начнете кладку фундамента, бетонные работы. В этом отличие строительства от заводского производства, где цехи годами выпускают одни и те же детали и где весь процесс выверен по секундам, тщательно отработано взаимодействие всех звеньев. Быстро расширяясь и меняясь, строительные работы ставят перед инженером все новые и новые проблемы. При колоссальном размахе нашей стройки, при наших темпах надо обладать большим искусством

руководства, чтобы во время и без ошибок решать их. Товарищ Сталин учит: руководить — значит предвидеть. Для нас, строителей, это имеет особенно важное и решающее значение.

— Вы правы, Петр Дмитриевич. Но каждый день появляется столько этих самых «проблем», что поворачиваться не успеваешь. То шланги порвались, то кислород во время не подвезли, то еще что-нибудь...

— Нет, товарищ Льянос, я другого рода проблемы имею в виду. О шлангах и кислороде могут позаботиться ваши помощники. Это их дело. Предметом вашей главной заботы должно быть другое. Вот Бурдин поднял вопрос о новых методах забивки шпунта в условиях каменистых грунтов. Это как раз то, что могло бы обеспечить успех дела. А оно, это главное, почему-то отодвигается на второй план. Почему, товарищ Льянос?

Льянос молчал.

— У вас есть сменные прорабы, десятники, механики, бригадиры, каждый из которых отвечает за определенный участок. Доверяйте им. Руководить, не доверяя подчиненным, нельзя. Почему за каждым пустяком обращаются к вам? У вас должно быть время думать. И еще об одном мне хотелось бы сказать вам: сила руководителя — в коллективе. Вы должны объяснить коллективу сложность задач, которые предстоит решить, раскрыть перед ним перспективы завтрашнего дня, увлечь на творческий труд. Без этого руководитель рискует остаться в одиночестве и загубить порученное дело. Я знаю, что вы не допустите этой ошибки. Умело опираясь на коллектив, поддерживая его инициативу, вы горы свернете, Вирхилио.

— Сегодня я многое понял, Петр Дмитриевич, — проговорил Льянос. — И на душе как-то радостнее стало.

Льянос знал, что впереди будет немало трудностей, что задачу, которая поставлена перед ним, решить будет нелегко. Но сейчас, как никогда, он был уверен в успехе. Инженер почувствовал, что с этого дня начнется крутой подъем.

Строительство перемычки развертывалось быстрыми темпами. Спешно монтировались новые копры, вступил в строй еще один сверхмощный, производительностью

1000 кубометров грунта в час, электрический землесосный снаряд. С острова Телячий по льду Волги прокладывались новые линии пульпопроводов. С каждым днем все гуще становился поток автосамосвалов, насыпавших грунт на песчаную косу, намытую земснарядами. Чувствовалось, что здесь, у горы Могутовой, сосредотачиваются сейчас главные силы, что схватка с Волгой будет жесткой.

Группа копров, возглавляемая инженером Льяносом, поставлена на самый ответственный участок перемычки. Копры должны возвести железную стену в головной части земляной плотины, там, где весною она примет на себя весь напор льда и стремительных вешних вод.

Главный инженер Куйбышевгидростроя Шапошников, приезжая на правый берег Волги, первым долгом едет на головную, далеко вдающуюся в русло реки часть перемычки. Положение здесь серьезно беспокоит его. За последние дни, правда, темпы забивки шпунта заметно возросли, но все время вставали все новые и новые препятствия. В управлении строительства кое-кто уже стал поговаривать, не слишком ли молод старший прораб, возглавивший самый ответственный участок перемычки.

Несколько дней назад, когда стена шпунта подошла к полосе скалистого речного dna и сопротивление металлу возросло еще больше, копровщики заметили, что шпунтина, погружаясь под ударами молота, тянет за собой и соседнюю, уже вбитую в дно реки. В стене шпунта образовалось окно. Остаётся его открытым было нельзя — в окно прорвется вода.

Посоветовавшись с начальником участка Червяковым, Льянос приказал крепить крайнюю шпунтину болтами. Но нажим на нее оказался настолько сильным, что крепкие железные болты не выдерживали.

— В таком случае, — решил инженер, — кроме болтов придется закреплять шпунтину электросваркой. Другого выхода нет.

Лучший на участке электросварщик Иван Никулин, выслушав старшего прораба, молча кивнул головой и взялся за дело. Шов ложился быстро и ровно. Электросварщик останавливался только на одну-две секунды, чтобы сменить электрод. Но прошло уже двадцать минут, а сварка еще продолжалась. Льянос нервно поглядывал на часы. Наконец Никулин выключил аппарат.

— Все! Приварил так, что никакая сила не оторвёт...
— Майна — молот! — нетерпеливо крикнул закопчник.

На шпунтину, вставленную в замок стены, обрушились удары.

— Вроде держит, а?

— Держит, Никулин...

Льянос не договорил. Послышался треск. Шов электросварки лопнул, и крайняя шпунтина, увлекаемая стоящей под молотом, стала медленно погружаться в землю.

— Н-да, — с горечью протянул Никулин. — Придется начинать сначала.

— Нет, повторять бессмысленно, — решительно возразил Льянос. — Надо подходить с другого конца...

Главный инженер Шапошников хорошо знал обо всем этом. Появившись на строительной площадке, он сразу же вызвал Льяноса.

— Что делаете для ликвидации окон?

— Решили, товарищ главный инженер, наращивать шпунтину, не дожидаясь, когда ее затянет в грунт.

— Так... так... Интересно. А как вы определяете высоту полосы, которую нужно наварить?

— Это показывает скорость, с которой уходит шпунтина вглубь. Рассчитывать научились.

— Хорошо, идемте к копрам. Посмотрим, как это у вас получается.

Организацией дела Шапошников остался доволен. Наращивание шпунтинга ни на минуту не задерживало работу копров. Задача, таким образом, была успешно решена. Опытный глаз главного инженера сразу заметил и другое: на копрах стало больше порядка, исчезла суета, каждый был на своем месте.

— Решение приняли правильное, согласен, — сказал Шапошников, когда они отошли от копров. А про себя, взглянув на Льяноса и невольно улыбнувшись, подумал: «И откуда взяли, что он молод для такой работы? Нет, качества инженера определяются не только стажем работы и возрастом... Нет!»

Шапошников подробно расспросил о ходе работ, дал указания. Потом, когда деловой разговор был закончен, сказал:

— Теперь еще один вопрос. И очень важный, — Шапошников строго посмотрел на Льяноса.

— Я слушаю...

— Вы почему дома, в Ставрополе, не бываете? Смотрите, достанется вам от Инны Александровны! И поделом!.. Не оправдывайтесь, Вирхилио. Не вы одни делом заняты. Извольте так руководить, чтобы и в ваше отсутствие все шло хорошо. Надо находить время и для отдыха, и для учебы. Сегодня суббота. Вот и отправляйтесь на выходной денек к семье, заодно хороший концерт в клубе послушаете. Артисты из Куйбышева приехали.

III

Льяноса вызвали на заседание технического совета Куйбышевгидростроя. В состав совета входят руководители стройки, передовые инженеры, новаторы производства. Перед отъездом в Ставрополь Льянос решил зайти к инженеру Сатину, работающему с ним на одном участке.

Сатину недавно поручили ответственное и трудное дело — возвести земляную напорную перемычку вдоль берега Волги, закрыть от волжских вод долину, где работают сейчас экскаваторы.

С Сатиным у Вирхилио большая дружба. У них много общего: оба по 27 лет, в один и тот же год они окончили институт и теперь возглавляют ведущие участки стройки.

Сатин был дома: отдыхал передочной сменой. Когда Льянисс вошел, он сидел за столом, у окна, и что-то писал. Рядом лежали книги.

— Здравствуй, Майеслав Сергеевич. Чем занят?

— А, Вирхилио! Проходи, друг, проходи, — Сатин откинул со лба прядь мягких светлых волос, улыбнулся.

— Вот решил политэкономией заняться. Учиться надо, без этого нельзя... Бери стул, присаживайся.

— Ты прав, учиться надо. Когда я в управлении работал, у меня с учебой неплохо дело шло. А вот тут ослабил.

— Настоящей организованности нам с тобой еще не хватает, Вирхилио, вот что. Посмотри-ка на ссыда моего, Михаила Юрьевича Евеца. Дел у него много, бригадиром экскаваторщиков работает. А как настойчиво учится человек! Его личная библиотека больше моей.

— Иванов как-то сказал о нем: Евец со своего экса-

ватора всю стройку видит. Хорошо сказано! — Льянос расстегнул пальто, закурил папиросу. — От Люси письмо получи? — показал он на конверт, лежавший на столе.

— Нет, от фронтового товарища. Вместе на Курской дуге воевали... А Люся давненько не пишет, — Сатин достал из коробки папиросу и, забыв зажечь ее, повернулся к окну. На улице бурили. Ветер бросал в стекла горсти снежной пыли.

— А почему-бы, Майеслав, Люсе не приехать сюда? — прервал молчание Льянос. — У вас такая большая дружба. Судя по твоим рассказам, она хорошая девушка.

— Очень хорошая, Вирхилио. — Сатин повернулся к Льяносу, глубокие голубые глаза его потеплели. — Но есть причины, которые не позволяют ей приехать сюда. Она не может оставить Ленинград.

— Почему?

— Видишь ли, Люся не только архитектор, но и музыкант. Трудно даже сказать, что больше ее увлекает — музыка или архитектура.

— Да, консерватории у нас пока нет. Но Дворец культуры мы уже строим. А сколько у нас для Люси настоящей, увлекательной работы! — все больше загораясь, словно не Сатину, а самой Люсе говорил Вирхилио. — И вообще я не понимаю, как можно не приехать на нашу стройку...

— Все это верно, Вирхилио. Но она так любит Ленинград! И потом условия... Живу, как видишь, на положении холостяка.

— Ты хочешь сказать, что она испугается трудностей, что главное для нее удобства жизни? Ну, знаешь... — Вирхилио встал, отодвинул стул...

— Что ты поднялся? Садись, я объясню тебе...

Увлеченные беседой, друзья не заметили, как в комнату вошел Михаил Юрьевич Евец. Не желая, видимо, прерывать горячую беседу молодых инженеров, он остановился у двери, раздумывая, не уйти ли ему, но потом решил остаться.

— Что же вы, товарищи, в темноте сидите? — сказал он, протягивая руку к выключателю. — Как рано стало темнеть.

— Михаил Юрьевич! — Сатин поднялся навстречу гостю. — Проходите, пожалуйста... Вот стул, присаживайтесь поближе.

М. САТИН.

— Спасибо. Получите ваши книжечки. «Кружилиху» прочитал с удовольствием, а вот эта, вторая, не понравилась. Мелковато... — Евец провел ладонью по коротким седым волосам. — Я не помешал вашему разговору?

— Нет, нет, — ответил Сатин. — Так, второстепенный разговор.

— Так уж и второстепенный? — Небольшие, яркие глаза Евеца хитровато прищурились. — Нет, Майеслав Сергеевич, не второстепенный. Простите меня, но я слышал о чем речь шла. И по-моему, товарищ Льянос совершенно прав. — Михаил Юрьевич сел в кресло, помолчал. — Я постарше вас годами, разрешите мне говорить откровенно. Жена, если она тебе настоящий друг, любые трудности с тобой разделит. И никакого упрека от нее никогда не услышишь. На этих трудностях не только характер, чувства проверяются, прочность семьи... Вы знаете мою жену, Майеслав Сергеевич. Сколько ей за войну вынести пришлось! Троє малых ребят на ее руках осталось, когда я на фронт ушел. — Евец взял со стола книгу, перелистал. Потом, положив ее обратно, продолжал:

— После войны мы на Кавказ уехали. Устроились там просто замечательно. Квартира со всеми удобствами, сад и все прочее. Только обжились, стройка здесь, в Жигулях, началась. Я, конечно, решил ехать. Механизаторы, сами знаете, на такой стройке как воздух нужны. Но как же, думаю, быть с семьей? Очень уж жене на Кавказе понравилось. Подумал я так и говорю Екатерине Ивановне: может, сперва один поеду? Боюсь, что сразу и квартиры подходящей там не найдется, стройка только начинается... Так знаете, что она ответила? — Евец посмотрел на Льяноса, потом на Сатина. — Кровно, говорит, ты меня обидел, отец. Разве я была тебе плохим товарищем?..

Инженеры слушали молча. Перед глазами вставал прекрасный образ русской женщины — доброй, любящей матери, человека большой и сильной души.

— Все это я вот к чему говорю, Майеслав Сергеевич: если она вам настоящий друг, настоящий советский человек — приедет. А что касается трудностей, так для нас это уже пройденное. Вон какой замечательный городок построили. И школы, и магазины, и стадион. Как в большом городе живем.

— Михаил Юрьевич сказал правильно. И я уверен, что Люся приедет! — Льянос взглянул на часы. — Да, товарищи, время ехать в Ставрополь. Что-то машины долго нет... Вам, Михаил Юрьевич, ведь тоже надо быть на техническом совете?

— Поеду. Вопрос сегодня очень важный обсуждается — разработка грунта в зимних условиях. Экскаваторам, особенно шагающим, сейчас трудно приходится.

— Да, грунт уже на большую глубину промерз, — заметил Сатин. — Сейчас один выход — взрывать верхние пласти.

— Правильно, Майеслав Сергеевич. Но пока это не дает нужных результатов. Не поспевают подрывники фронт работы нам готовить. Медленно шурфы делаем. Тут станки с хорошими моторами ставить надо.

— Эта задача решается, Михаил Юрьевич, — ответил Льянос.

— А разве нельзя было о станках подумать раньше? — В словах Евеца инженеры почувствовали упрек. — Думаю, что сегодня на техническом совете и другой вопрос встанет. К весне мы углубим котлован до уровняолжского дна. Значит, грунтовые воды еще больше будут заливать зобо.

— По контуру котлована мы ведь поставим 200 сильных насосов. И, кроме того, пробурим глубокие скважины водоотлива, — заметил Вирхилио.

— Однако, товарищ Льянос, и в этом случае влажность грунта будет очень большой, больше, чем осенью. Об этом следует думать сейчас...

За окном раздался резкий, прерывистый гудок автомобиля.

— Машина пришла! — выглянув в окно, сказал Сатин. — Собираемся, товарищи.

— Иду одеваться, — поднялся Евец. — Ничего, если я поеду на «совет мудрейших» в полурубке?

— Ничего, Михаил Юрьевич. Ветер на Волге страшный, — ответил Льянос.

Когда Евец вышел, Вирхилио сказал Сатину:

— Юрьевич прав. Надо решать не только текущие дела, но и побольше заглядывать в будущее...

Машина, промчав по улицам Жигулевска, повернула на широкое асфальтированное шоссе и, влившись в поток

автосамосвалов, помчалась к Волге. У строительной площадки, на повороте к реке, она на секунду остановилась. Спрятавшись на дорогу, Сатин махнул друзьям рукой и зашагал к поднимавшейся за котлованом горе Могутовой. Уже совсем стемнело. Ветер, дувший с Волги, трепал полы шинели, бил в лицо колючей, смешанной с песком, снежной пылью. В мглистой пелене метались желтые лучи автомобильных фар. Из глубины котлована, словно со дна пылающей чаши, поднимался розовый свет. В зареве его, рассыпаясь золотистыми блестками, бешено кружились снежные вихри. Сатину невольно вспомнились сейчас фронтовые ночи. Сколько раз вот в такую метель он уходил со своими товарищами-разведчиками на выполнение боевого задания! Кажется совсем недавно все это было. И вот он, рядовой солдат, уже успел за эти годы окончить институт, стать инженером-строителем. Жизнь опередила самые смелые его мечты. Да, Сатин знал, что пойдет учиться, станет инженером-строителем, что его ждут большие дела. Демобилизованный солдат, молодой коммунист, он стремился быть на переднем крае борьбы за счастье своего народа. И все-таки не думалось ему, что на шестой год после войны он будет старшим прорабом на строительстве величайшего, какого еще не знало человечество, сооружения.

Большое, светлое чувство наполнило сердце. Позабыв о ветре, Сатин сдвинул со лба шапку и бегом поднялся на высокий прибрежный холм.

Внизу, у самого берега, двигались, грохоча гусеницами, тяжелые бульдозеры. В свете прожекторов поблескивали их широкие, щитом выставленные вперед стальные ножи. Бульдозеры выравнивали основание будущей целиковой перемычки. Один за другим подходили автосамосвалы, набрасывая талую землю на расчищенную площадь.

Не задерживаясь у бульдозеров, Сатин пошел дальше, к темневшему впереди глубокому оврагу, у которого сейчас работало много людей. Этот овраг — русло небольшой речки, ранее впадавшей в Волгу. Летом речку по каналу отвели к подошве горы Могутовой. Теперь по руслу должна пройти перемычка, ограждающая береговую часть котлована. Сначала старший прораб Сатин не считал овраг серьезным препятствием. Нужно было только очистить от льда его дно — перемычка должна

лечь на прочный талый грунт. Но возникли непредвиденные трудности. Под полутораметровой толщей льда оказалась вода. Пробившись из Волги через глубокие пласты грунта, она заливала не только овраг, но и значительную часть берега, там, где овраг выходил к реке. Старший прораб еще накануне приказал поставить насосы.

Увидев Сатина, к нему подошел сменивший прораба Георгий Андрианов, секретарь комсомольской организации участка.

— Плохо дело, Майеслав Сергеевич, — сказал он, кивнув головой в сторону оврага. — Только откачаем воду, она опять идет... Начала бить фонтаном.

— Что же делать, а? — Сатин помолчал, щуря глаза от снежной пыли. Потом решительно сказал: — Будем рубить лед до дна и сразу же, следом, засыпать землей.

Борьба с водой шла всю ночь. Строители долбили трудно поддававшийся, перемешанный с песком лед, добираясь до самого дна оврага. Беспрерывно работали насосы. Отвоеванные участки тут же засыпались землей. Но, несмотря на все усилия людей, вода пробивалась то в одном, то в другом месте, образуя новый слой льда.

Наступило утро. Уставший, в обледеневшей шинели, Сатин стоял на краю оврага и с болью в сердце смотрел, как на дне, выступив на лед, дымится вода. Он пробыл на площадке всю ночь, но не думал об отдыхе. Не давала покоя тревожная мысль: как же пройти через этот проклятый овраг?

Рядом остановился автосамосвал. Из кабины вышел Вирхилио Льянос — веселый, раскрасневшийся от утреннего мороза. Сатин не замечал его. Вирхилио подошел к другу, положил руку на плечо.

— «На берегу пустынных волн стоял он дум великих полн»... Совсем, как у Пушкина. О чем задумался, товарищ? Все на свой овраг налюбоваться не можешь? Панorama, действительно, чудесная...

— Лучше некуда. Третий день бьемся — и ни с места.

— А на четвертый пойдет. Помнишь, как Шапошников в таких случаях говорит: больше выдержки! Вот такто... А сейчас, друг мой, идем в столовую.

Дорогой Льянос рассказал Сатину о заседании технического совета, а потом сообщил новость: жена его, Инна Александровна, едет на совещание энергетиков в Москву.

— И на пару дней, по делам, заедет в Ленинград, —
сказал, с улыбкой посмотрев на друга, Вирхилио.

— В Ленинград? Жаль, что я не знал раньше... А с
каким поручением Инна Александровна поедет в Ленин-
град?

— Совершенно секретное задание, Майеслав, — рас-
смеялся Вирхилио. — Да, ты не забыл, что в одинна-
дцать диспетчерское совещание у начальника района?
Проводит Шапошников.

IV

У начальника Правобережного района гидротехни-
ческих сооружений собрались командиры стройки —
начальники участков, прорабы, партийные работники.
Просторный кабинет сейчас кажется тесным. Не осталось
ни одного свободного стула. Совещание еще не началось.
Шапошников, сидящий за столом рядом с начальником
района, просматривает сводки, красным карандашом под-
черкивая нужные цифры. Инженеры вполголоса перего-
вариваются между собой. Но вот Шапошников посмотрел
на часы, лежащие перед ним на столе. Стрелки показы-
вают ровно одиннадцать.

— Начинаем совещание, товарищи. Докладывает
старший прораб Льянос. Пять минут.

Льянос, сидящий рядом с Мартirosовым у окна,
быстро поднялся. Доложив о ходе работ, сказал:

— Сегодня ночью смена Бурдина выполнила задание
на 170 процентов. Передаем его опыт всем копровщикам.
График забивки шпунта выдерживается...

Шапошников одобрительно кивнул головой.

— Положение ясно. Докладывает старший прораб
Сатин.

Заметно осунувшийся, с потемневшим на холодном
ветру лицом, Сатин говорит торопливо и сбивчиво.
Глаза его блестят нездоровым блеском.

— График нарушен, основание перемычки не готово
на большом участке. Надо освободить ото льда старое
русло Отважненского ручья. Бились сегодня всю ночь...
Не получается. Все снова покрылось льдом, смешанным
с илом, который подняла вода со дна. Во льду 60 про-
центов ила... Да, он стал крепким, как камень...

В кабинете стоит напряженная тишина. Инженеры

хорошо знают о трудностях, встретившихся на строитель-
стве целиковой перемычки.

Шапошников, облокотившись на стол, внимательно,
изучающе смотрит на Сатина. Но вот он неожиданно
улыбнулся, глаза весело блеснули из-под нависших
густых бровей.

— Значит, трудновато пришлось, Майеслав Серге-
евич? А вы как же думали — все гладко пойдет? Ничего,
делаете. Сегодня у нас десятое. Двенадцатого вы доло-
жите, что основание целиковой перемычки полностью
подготовлено. Таким образом, вы снова входите в гра-
фик. Слушаем товарища Мартirosова...

Когда совещание закончилось и инженеры, оживленно
переговариваясь, стали выходить из кабинета, к Сатину
подошел секретарь партийного бюро Иванов. Старший
прораб выходил последним, по хмуруму лицу его было
заметно, что он сильно расстроен.

— Вы не очень торопитесь, Майеслав Сергеевич?
Заходите ко мне, поговорим.

...Несколько минут они сидели молча. Потом, медлен-
но отодвинув на край стола раскрытую книгу, Иванов
задумчиво сказал:

— Положение у вас действительно сложное. И срок
установлен жесткий. Это понятно, товарищ Сатин, время
поджимает. Но сил у вас, я надеюсь, хватит...

Иванов говорил с молодым инженером, как с другом,
в глазах его, спокойных и внимательных, светилось
живое участие. Сатин почувствовал, что секретарь пар-
тийного бюро вместе с ним переживает неудачу и хорошо
видит, что происходит сейчас в его душе. И от этого
стало как-то теплее.

— За два дня закончить основание перемычки бу-
дет нелегко. Это совершенно ясно. Но для нас трудности
существуют для того, чтобы бороться с ними и побеж-
дать. Так нас товарищ Сталин учит. Слышали, какую
победу одержал сегодня экипаж Василия Аксенова? Его
земснаряд намыл в эту ночь столько грунта, сколько ма-
шины такой мощности не давали летом! А вот перед нами
учебник, — Иванов придинул к себе книгу. — В нем
доказывается, что намыв плотин землесосными снарядами
в условиях суровой зимы невозможен... Разве есть такое,
перед чем остановились бы наши советские люди? Нет,

Майеслав Сергеевич, не существует таких задач, с которыми бы мы не справились!

Сатин слушал Иванова, и чувство глубокого уважения к этому человеку наполняло его. Молодой инженер всегда восхищался спокойствием и выдержанной секретаря партийного бюро. Теперь он понял, откуда у него это качество: Иванов твердо верит в людей, в силу коллектива.

Мудрость жизни, светлую веру в человека секретарь партийного бюро Иванов познал в огне суровых испытаний. Он был среди тех, кто возводил первенцы сталинских пятилеток, а в годы Отечественной войны все время находился на переднем крае. Боевые подвиги его отмечены девятью боевыми орденами и медалями.

— Соберите сегодня людей, посоветуйтесь с прорабами, десятниками, рабочими, — продолжал Иванов, — расскажите им о задаче, поставленной главным инженером.

Прощаясь, Иванов протянул Сатину руку.

— Так как же — справитесь за два дня?

— Справлюсь, Петр Дмитриевич. И за разговор спасибо...

Чувство тревоги и неуверенности, которое еще недавно владело им, прошло. Из кабинета секретаря партийного бюро Сатин вышел с твердой уверенностью, что задание будет выполнено в срок.

После разговора с Сатиным Иванов зашел к начальнику строительного района. Он предложил провести совещание молодых инженеров.

— Энергии у них много, а настоящего производственного опыта, умения работать организованно, сплотить коллектив не хватает. Мы должны помочь им приобрести необходимый опыт.

— Согласен, такое совещание принесет пользу, — одобрил предложение начальник района. — И надо быстрее осуществлять решение партийного собрания о повышении квалификации молодых специалистов. Возглавит это дело главный инженер.

— Технический кабинет уже оборудуется. У инженеров будут хорошие условия для учебы.

В небольшом передвижном домике, поставленном у самого волжского льда, собрался весь «штаб» Сатина —

прорабы Андрианов, Ратнер, старшие десятники Суриков и Рябов.

Склонившись над чертежом, занявшим почти весь стол, инженеры обсуждают вставшую перед ними проблему.

— Вся беда в том, что напор грунтовых вод очень сильный, дно оврага моментально покрывается водой, — говорит, отрываясь от чертежа, Андрианов. — Это значит...

— Это значит, Георгий, что пласт льда на всем участке должен быть взят одновременно, — нетерпеливо перебивает инженер Ратнер, поблескивая черными живыми глазами. — Что у нас получается? Пока мы снимаем лед в одном конце, вода пробивается в другом, только что расчищенном....

— Ясно, Ратнер. А практически? Сколько бы мы людей ни поставили, они не смогут быстро взломать весь лед.

Сатин слушает молча, вглядываясь в чертеж. Но вот он поднимает голову, проводит ладонью по высокому лбу.

— Правильно, друзья, правильно... — глаза его загораются — надо быстро взломать лед...

— Взрывать?! — уже догадался Андрианов.

— Безусловно. Только взрывать! Сейчас мы свяжемся по телефону со взрывоездом, вызовем специалистов. Дело нашей чести выполнить задание в срок!

Во второй половине дня на площадке появился со своими помощниками известный всей стройке мастер взрывных работ Владимир Иванов.

— А ну, показывайте ваш ручеек. Мы горы привыкли сворачивать, а тут с канавой возись... — Веселый, шумливый, с улыбкой на открытом скуластом лице, Иванов широким неторопливым шагом направился к берегу Волги. Сатин с уважением посмотрел на него: «Богатыры!»

Когда они подошли к оврагу, Иванов взглянул на широкое поле перемешанного с песком льда и протяжно свистнул.

— Ничего не скажешь, веселая работка... Толщина льда, говорите, около двух метров? Что ж, возьмем. Давайте команду бить шурфы. Штук двадцать придется делать, не меньше.

...Бушевавшая несколько дней метель к вечеру улег-

лась. Крепла стужа. Из полыни, образовавшейся по средине Волги, поднимался белый дым — казалось, вода горит. Но холода никто не чувствовал. Рассыпавшись по дну широкого оврага, строители пробивали шурфы. В морозном воздухе звонко раздавались удары. Густо перемешанный с песком лед поддавался трудно. Люди работали молча и сосредоточенно, все упорнее вгрызаясь в толщу льда. Сатин, переходя от одной группы рабочих к другой, двумя-тремя словами давал указания. Сейчас от него большего не требовалось: все знали, что основание перемычки должно быть подготовлено в срок во что бы то ни стало, все были охвачены одним стремлением — победить!

Берег реки озарился ярким светом прожекторов. Работа продолжалась, никто не думал об отдыхе. Прошло еще полчаса, и первые шурфы были уже пробиты. Однако бригада, работавшая у входа в Волгу, еще не выполнила задания и наполовину. Промоина, сделанная здесь осенью землечерпательной машиной, превратилась сейчас в глубокий колодец, забитый льдом, и пройти его было нелегко. В бригаду, работавшую на берегу, пошел Владимир Иванов.

— Что, трудновато, хлопцы? А ну, дай я попробую. — Он сбросил с себя полушибок. — Эх, раззудись плечо, размахнись рука... Нажмем, орлы!

К ночи все двадцать шурfov были пробиты до талых пластов грунта.

Участок, где только что кипела горячая работа, быстро опустел. Сатин с бьющимся от волнения сердцем стоял на высоком холме мерзлой земли, выброшенной из забоя шагающим экскаватором, и напряженно вглядывался туда, где за неровной линией котлована темнело русло бывшего Отважненского ручья. Рядом стояли прорабы Андрианов и Ратнер. Ровно гудели в забоях моторы экскаваторов. С левого фланга строительной площадки, где высоко в небе светились гирлянды электрических ламп, доносились гулкие удары молотов. С ревом мчались мимо тяжелые автосамосвалы. И вдруг, перекрывая гул стройки, ударили, раскатился громом мощный взрыв. Еще не умолкло в горах его эхо, как прогремел второй, третий, четвертый... В небо взлетели огромные столбы земли и льда. По лесному склону горы Могутовой замелькали огненные отблески.

Но вот взрывы смолкли.

— Все! Идемте, товарищи! — Сатин быстро спустился с холма.

Глубокого оврага больше не было. На его месте громоздились груды льда и земли. Крутые откосы срезало, словно острым ножом.

Когда Сатин подошел к месту взрыва, Иванов со своими помощниками был уже там.

— Ну как, товарищ инженер, добро сработано? — сказал Иванов, озорно улыбаясь. — Я же говорил, что дело тут пустяковое...

— Хорошо, Иванов. Молодцы!

Грохоча гусеницами, подошли бульдозеры.

— Начинайте, Андрианов, — распорядился Сатин.

Сильные машины двинулись на груды взорванного льда, отжимая его к Волге. Там, где проходили они, оставалась широкая черная полоса талого грунта. Следом за бульдозерами потянулись автосамосвалы. На расчищенном основании перемычки быстро росла, с каждой минутой поднимаясь все выше, гора земли. Вода нигде не смогла пробиться. С Отважненским ручьем в эту ночь было покончено.

Перед утром Сатин позвонил Льяносу:

— Победа, Вирхилио! Да, да, льда больше нет... Ведем перемычку на всем фронте! Шестьдесят машин пустили... А как у вас? Новый метод забивки шпунта испытываешь? Замечательно! Сейчас я буду у тебя...

Сатин совсем забыл, что не спит уже вторые сутки.

V

В уютном коттедже инженера Льяноса в этот вечер было шумно и весело: вернулась из Москвы Инна. Приехал с участка Вирхилио. Собрались друзья. Инна, радостная, возбужденная, рассказывала о Москве, о новых высотных зданиях, о театрах, о встречах с товарищами по институту. Ее перебивали, засыпали вопросами.

— Постойте, товарищи, постойте, — подняла руку подруга Инны, инженер-энергетик. — Я горю нетерпением услышать о совещании. Рассказывай, Инна!

— О совещании? Столько важного и интересного, друзья, что сразу и не расскажешь. Большие, захватывающие проблемы. Вы слышали такое название — «ЕВС»? Правильно, Вирхилио, — единая высоковольтная сеть...

Она свяжет все электрические станции страны в одно энергетическое кольцо, позволит перебрасывать энергию на огромные расстояния, из одного района страны в другой... Вы понимаете, какие это открывает возможности для использования всех неисчерпаемых гидротехнических ресурсов нашего государства! — Инна говорила, и темные глаза ее светились вдохновением. — И это не мечта, над этим работают, это осуществляют... Электрическая магистраль, которая протянется в Москву от Куйбышевской ГЭС, будет гигантским звеном этой единой сети...

— Даже нам, инженерам, трудно охватить мысленно масштабы предстоящих работ, — с волнением проговорила подруга Инны. — Какой простор для творческих держаний... Счастливые мы с вами люди!

Друзья разошлись поздно вечером. Когда они остались вдвоем, Вирхилио спросил Инну:

— Ну, а как твоя поездка в Ленинград? Выполнила мое задание?

— А как же! С Люсей мы расстались большими друзьями. Такая славная девушка...

— Значит, она приедет?

— Приедет, Вирхилио. Собирается в дорогу. А с твоим Сатиным у меня будет серьезный разговор. Откуда это он взял, что Люся побоится трудностей?

— Подожди, потом ругаться будешь... Вот мы ему сейчас позвоним. Наверное он еще на площадке.

Льянос снял трубку телефона, вызвал Жигулевск.

— Сатин? Здравствуй, Майеслав Сергеевич. Как дела идут? Две тысячи кубометров отсыпал?!

— Даже сейчас они не могут без кубометров... Дай сюда трубку, — нетерпеливо сказала Инна.

Вирхилио сделал ей знак рукой: не волнуйся, сейчас...

— А у меня для тебя небольшая новость есть... Одну минуточку... Инна, когда она приедет? Через неделю? Слышишь, Майеслав, через неделю приедет Люся... Как то есть какая? Твоя Люся, из Ленинграда. Инна от нее письмо привезла... Почему ты молчишь? Алло, Жигулевск! Ты слышишь меня?

— Слышу, — раздалось, наконец, в телефонной трубке. — Спасибо тебе, Вирхилио, друг ты мой замечательный!

— Что он ответил тебе, Вирхилио, — спросила Инна, когда Льянос повесил трубку.

— Он сказал, что я, Вирхилио, замечательный парень!

— Вот как? А я, признаюсь, не догадывалась! — Инна положила руку на плечо Вирхилио, поправила его волосы. — А ты изменился, Мас. Лицо такое обветренное... Кажется, старше за эти дни стал.

— Знаешь, у нас есть один такой чудесный закоперщик — Михаил Бурдин. Он говорит, что мы не только строим перемычку, но и закаляемся на ней.

VI

Из Московского научно-исследовательского института на Куйбышевгидрострой с группой сотрудников приехал кандидат технических наук Цаплин. Он привез сюда для испытания изобретенный им электрический вибрирующий молот. Однако на стройке Цаплин занимался не только испытанием молота. Горячая, напряженная работа, кипевшая здесь, захватила, увлекла ученого, он не мог остаться в стороне от больших и сложных задач, которые решал коллектив участка. В любое время суток этого высокого, немолодого человека, в нарядном черном пальто и бобровой шапке, можно было видеть на перемычке, среди рабочих. С инженерами-строителями у него сразу же установилась дружба. Они принимали живое участие в испытании вибромолота, а изобретатель, в свою очередь, помогал им решать практические проблемы.

...Поздний вечер. Вирхилио Льянос сидит один в кабинете начальника участка и, наклонив голову набок, что-то сосредоточенно рисует на небольшом листке бумаги. Время от времени он встает из-за стола, в раздумье прохаживается по комнате и затем снова берет в руки карандаш.

Вошел Цаплин, зябко потирая руки от холода. Он только что вернулся с берега Волги.

— Я вам не помешал, Вирхилио?

— Нет, Сергей Афанасьевич. Я как раз собирался зайти к вам. Хочу посоветоваться по одному делу.

Льянос рассказал ученому о больших трудностях, с которыми встретились экскаваторщики на разработке котлована под здание ГЭС.

— Грунт глинистый, липкий, целые шапки земли остаются на ковше. Если учесть, что нам придется вынуть миллионы кубометров, то становится ясным, что это значит. Вот у меня и возникла мысль — нельзя ли поставить на ковш экскаватора вибратор, предупредить налипание грунта?

— Использовать вибрацию на экскаваторах — идея хорошая. Наш институт давно интересуется этой задачей. Кстати, со мной приехал инженер, который работает в этой области. Сейчас мы его пригласим.

Цаплин позвонил. Через несколько минут в кабинет вошел молодой, крепкого сложения человек в высоких охотничих сапогах.

Льянос показал ему схему, над которой только что работал, подробно объяснил свою мысль.

Вирхилио уже кончил говорить, но инженер молчал, рассматривая схему. Потом он медленно поднял голову, взглянул на Льяноса. Лицо его было взволнованное.

— Мы думали над вибрирующими зубьями экскаватора... Но это потребует внести в машину значительные конструктивные изменения. Кроме того... — инженер помолчал, покусывая губы, — кроме того, еще не ясно в какой мере вибрирующие зубья скажутся на разработке глинистых пластов. Есть основания сомневаться. А вибратор, предлагаемый вами... Он должен дать хорошие результаты! И так легко установить его... Включатель можно сделать прямо на рычаге управления, это будет удобно для экскаваторщика...

— Следовательно, мнения не расходятся, — сказал Цаплин. — Где вы решили ставить мотор, Вирхилио? На задней стенке ковша? Так, согласен... Но вы учтите, что поперечных колебаний допускать нельзя. Вибрация должна быть направленной, ити к зубьям. Только в этом случае она будет сильной. А мощность вашего мотора?

— Еще не решено, Сергей Афанасьевич. Но ясно, что мотор потребуется небольшой. Нужно рассчитать как следует...

— Действуйте смелее, идите по линии прямого эксперимента. Бояться тут нечего.

— Правильно, — кивнул головой помощник Цаплина. — Возьмите мотор в 10 киловатт, а там видно будет...

С изобретателем Цаплиным и его помощником, молодым инженером, Льянос встретился впервые в жизни. Но каждый из них был готов помочь другому всем, чем только был способен, передать свой опыт, плоды долгих исследований. Не личной славой, не личными интересами живут советские инженеры. Они думают об одном и живут одним — интересами великого строительства, участниками которого являются, интересами государства.

Беседа продолжалась. Льянос заговорил о том, что сейчас волнует коллектив больше всего, — как ускорить забивку шпунта, как сделать его более стойким, выдерживающим любое сопротивление.

— Я думал над этим, Вирхилио, — сказал ученый. — Надо укрепить, сделать жестким верхний конец шпунтины, принимающий на себя удар молота. — Цаплин взял в руки карандаш, нарисовал шпунтину и стал тщательно заштриховывать ее верхний край.

— Укрепить верхний край... — повторил Льянос. — А что если мы...

— Увеличим площадь, на которую падает удар? — светлые глаза Цаплина сощурились.

— Понимаю, — Вирхилио поднялся, — понимаю...

— Да, увеличить площадь, скрепив шпунтину с обеих сторон широкими металлическими пластинами.

— Завтра же испытаем новый способ, Сергей Афанасьевич!

Цаплин ушел от Льяноса в первом часу ночи. Вирхилио хотел было пойти отдохнуть, но понял, что ему сейчас все равно не уснуть. Не терпелось скорее убедиться в правильности принятого решения. Он одел пальто и отправился на строительную площадку.

Ночь стояла тихая и морозная. В высоком светло-зеленом небе изумрудной россыпью сияли звезды. Над берегом Волги, где сверкали, переливаясь, тысячи огней, пылал багрянец. То тут, то там мелькали голубые всполохи электросварки.

Льянос вышел на шоссе и невольно остановился, любуясь открывшейся перед ним картиной. Потом он чему-то улыбнулся, вдохнул всей грудью морозный воздух и быстро зашагал навстречу огням.

На первом копре работала смена Бурдина. Льянос подозвал бригадира и сказал ему:

— Электросварщик Никулин здесь? Найди его и

приходите вместе в прорабскую. Есть одно интересное предложение, обсудим.

Утром, когда Цаплин пришел на перемычку, около копров уже лежало несколько шпунтина с наваренными на концах железными пластинами. По предложению Бурдина их сделали из обрезков шпунта. Ученый обратил внимание на то, что по высоте и длине наваренные пластины не одинаковы.

— На узкой полосе сварка может не выдержать, Сергей Афанасьевич. Как-никак 120 ударов в минуту! А слишком широкую тоже не расчет ставить — время на сварку лишнее уйдет, да и металл жалко. Вот мы и установим сейчас, какой размер самый подходящий, — объяснил электросварщик Иван Никулин. Смена его давно уже кончилась, но он не уходил с площадки. Тут же, у копров, был и Михаил Бурдин.

— Шпунтину — поднять! — скомандовал закоперщик.

Рабочие моментально закрепили двадцатиметровую железную полосу тросом. Еще несколько секунд и она пошла вверх.

— Вира — блок!

Верхолазы, работающие на площадках башни копра, быстро и ловко снимают трос, крепят шпунтину струбцинами, прижимая ее к направляющим копра. Газорезчик Грошев, молодой, с небольшими черными усиками паренек, закругляет автогеном нижний конец подвешенной шпунтины, чтобы она легче входила в замок.

— Готово! — громко кричит он, отрываясь от сваи и смахивая со лба проступивший крупинками пот.

— Майна — молот!

Льянос, Цаплин, Никулин, Бурдин и все присутствующие напряженно следят за шпунтиной. Первая проба заканчивается неудачей: наваренные накладки не выдерживают ударов молота.

— Ничего, Вирхлио, ничего, — спокойно говорит Цаплин. — Поставим шпунтину с другими, более высокими пластинами.

Испытание нового метода принесло блестящий успех. Верхний край шпунтины получил такую жесткость, что был способен выдерживать удары молота при любом сопротивлении грунта. Забивка шпунта пошла значительно быстрее.

— Теперь мы покажем класс работы! — возбужденно говорил Михаил Бурдин. — Пусть только сварщики успевают поворачиваться.

— За нас не бойся, за нами дело не встанет, — как всегда сдержанно ответил Никулин.

Новый метод забивки шпунта через несколько дней уже применялся на всех копрах.

Когда начальника участка спросили, кто же автор этого метода, он, подумав, ответил:

— Трудно даже сказать. Коллектив его создал.
И это действительно так.

VII

Просторная уютная комната залита мягким голубым светом. Сверкает разноцветными огоньками нарядно убранная пушистая елка. За большим, празднично накрытым столом сидят молодые инженеры — друзья Вирхлио и Инны. На самом почетном месте — молодожены Майеслав и Люся Сатины. Шумно. Не умолкают смех и шутки.

В соседней комнате настойчиво звенит телефон. Вирхлио, оставляя гостей, идет к аппарату.

— Николай Федотович? Спасибо, спасибо... Поздравляем и вас... От всей души! Так... слушаю... Прийти к вам? Но у меня гости... Всех забирать? Сейчас приедем!

У главного инженера Куйбышевгидростроя Шапошникова в эту новогоднюю ночь был в гостях друг его молодости, теперь уже убеленный сединой, известный всей стране ученый. Они сидели вдвоем в глубоких креслах, друг против друга, и задушевно беседовали, вспоминая далекие годы, минувшие встречи. Перед глазами вставала вся их жизнь — большая, горячая и увлекательная, жизнь непрерывного созидания и творческого горения. Где только ни доводилось встречаться старым друзьям, на каких стройках они ни бывали!

— Вот снова мы встретились с тобой, Николай Федотович, — тихо говорит профессор. — И снова на стройке.

— Да, снова на стройке... И каждый раз эти стройки оказываются все грандиознее. Ты помнишь, как мы вошторгались с тобой Волжским строем? Такой гигант!.. Но потом был Днепрогэс, канал Москва—Волга... А теперь Куйбышевская ГЭС. Наш гидроузел в тридцать раз больше Волжского и в четыре раза больше ДнепроГЭС... Вот как шагает страна, вот как идем мы вперед!

— Верю я — не на такой еще стройке доведется нам встретиться... Могучие северные реки вспять повернем, в океане и без них воды хватит, — пусть в бесплодные пустыни пойдут... Придет время, когда Голодную степь люди назовут Долиной цветущих садов... И скоро, очень скоро придет это время!

Шапошников улыбаясь смотрит на своего друга, он видит его таким же молодым, как прежде.

— Мы не стареем с тобой, нет... Жизнь не дает стареть... А ты помнишь нашу традицию — где бы мы ни находились, поднимать новогодний бокал с боем кремлевских курантов? И сегодня мы не нарушим ее. Сейчас к нам гости придут. Молодежь!

С приходом гостей тихий коттедж главного инженера сразу оживился, в нем стало даже как-будто светлее.

— Проходите, товарищи, проходите... — приглашает Шапошников. — И за стол, за стол... Сейчас куранты пробьют двенадцать!

Приемник включен. Доносится дыхание Красной площади, слышны далекие гудки автомобилей. И вот в наступившей тишине раздается знакомый и всегда волнующий бой кремлевских часов...

— В эту минуту, друзья, поднимает бокал товарищ Сталин, — негромко и торжественно говорит Шапошников. — За нашу страну, за народ, за нас с вами произносит он тост... Выпьем же, друзья, за здоровье товарища Сталина!

Много горячих волнующих слов было произнесено в эту новогоднюю ночь, много высказано сердечных дум и мечтаний. За праздничным столом встретились разные по возрасту люди, инженеры двух поколений. Но одни у них чувства, одни помыслы и стремления.

Сатин, с улыбкой взглянув на Люсю, предложил тост:

— За счастье!

Профессор весело посмотрел на него своими добрыми, умными глазами и сказал:

— Хороший тост... За счастье! Наше с вами счастье — это большое, широкое, настоящее счастье. Это наш труд, наша работа, которую мы называем таким хорошим словом — созидание... Это вся наша большая жизнь. Говорят, трудно прожить без любви. Правильно. Но еще труднее, совсем невозможно познать счастье, не зная радости созидания, творческого труда.

— Мы без этого не мыслим жизни, — ответил Сатин. — Без этого ее нет...

— Верно, Майеслав Сергеевич! — Шапошников откинулся на спинку кресла. — Созидание — закон нашей жизни, нашего строя. И все, что делаем мы, все, что строим, создаем своим трудом, — все это для счастья нашего народа. Итак, друзья, за созидание, за счастье! — Шапошников поднял свой бокал.

Молодые инженеры с волнением смотрят на Шапошникова. Человек, прошедший большой жизненный путь, большевик, 32 года состоящий в рядах коммунистической партии, он учит их не только искусству строить, смело решать сложные технические проблемы. Он зажигает их сердца непобедимой верой в будущее, в торжество великого дела, во имя которого они живут и строят.

...По комнате разлились звуки вальса. Молодежь начала танцевать. Инна подошла к профессору.

— А что же? И мы тряхнем стариной...

VIII

Уже далеко в русло реки врезалась песчаная коса, намытая землесосными снарядами. Сверху она кажется большим растянувшимся подковой островом. Все дальше по хребту плотины уходит рельсовый путь. По всей полуторакилометровой длине перемычки, выстроившись полукольцом, высятся вышки копров. Еще недавно шпунт возвышался над перемычкой отдельными звеньями. Сейчас, на большом пространстве, эти звенья уже сомкнулись, образовав сплошной металлический забор. На левом фланге перемычки Льянос начал возводить второй, верхний ярус шпунтовой стены.

Согласно проекта, второй ярус должен был подняться за первую линией шпунта, вбитого на глубину до 16 метров. Между линиями шпунта, отстоящими друг от друга на 1,5 метра, проект предусматривал сооружение ромбообразного глиняного замка, который бы предупредил здесь прорыв воды. Сооружение этого замка, высотою в три метра и длиною полтора километра, дело нелегкое, требующее много сил и времени. Кроме того, чтобы перевести копры на новую линию, надо прокладывать новый рельсовый путь. Начальник участка Червяков пошел на смелый эксперимент. Он отказался от глиняного «замка». Было решено второй ярус шпунта наваривать на первый,

создать непрерывающуюся железную стену высотою 30 метров. Новый, новаторский метод давал огромный выигрыш времени и средств.

В феврале на перемычке началась большая и ответственная работа — сооружение шпунтовых ячеек. Еще в начале зимы самая мощная в мире землечерпательная машина «Пятилетка» прорезала в скалистом дне реки глубокую и широкую ленту. Землесосные снаряды намыли в эту ленту песок, и вот теперь сюда вбиваются гигантские, диаметром 20 метров, железные кольца из плоского шпунта. Расположенные в шахматном порядке, они укрепят головную часть перемычки, свяжут ее, как связывает железная арматура бетон. Сооружение ячеек идет быстро. Здесь применяется замечательное достижение советской техники — вибраторы конструкции инженера Барканы. «Молот без молота» — так называют вибратор строители. Шпунтина погружается в грунт под воздействием колоссальной силы направленной вибрации, которую производят моторы, дающие несколько тысяч оборотов в минуту. Двадцатиметровая, весом в одну тонну, шпунтина буквально на глазах, за несколько минут, уходит в землю.

Огромную прочность придают перемычке глубокие железные колодцы шпунта. И все-таки напор Волги там, где проходит оголовок перемычки, настолько силен, что этой прочности недостаточно. Надо еще защитить головную часть перемычки каменной рубашкой, сбросив в русло реки около ста тысяч тонн доломита. Этую ответственную работу поручили коммунисту, старшему профрабу Константину Мартиросову.

...Над ледяными просторами Волги еще бушуют метели, еще по-зимнему ярко сверкают на пологих вершинах Жигулевских гор голубые снега, но уже во всем — и в мягких порывах степного ветра, и в блеске первых лужиц на побуревших ледовых дорогах чувствуется приближение весны.

Инженер Мартиросов, ставший еще более смуглым от ветра и солнца, стоит на высоком откосе перемычки, наблюдая за движением машин. В воздухе непрерывно мелькают красные флаги. Ловкие, быстрые регулировщики едва справляются с потоком грузовиков,

К. МАРТИРОСОВ

стекающихся сюда с разных направлений. Мартиросов часть машин направляет в обход, по льду. Тяжел десятитонный самосвал, груженный камнем, но ничего — лед выдержит. Разведка произведена тщательная.

Развертываясь один за другим, самосвалы пятятся к самому краю каменного откоса. Внизу кипит река. Здесь, за перемычкой, такой быстроток, что Волга не замерзает даже в самые большие морозы.

— Есть! Пошел...

С оглушительным грохотом каменные глыбы летят в Волгу, поднимая столбы воды.

До конца смены еще далеко, но учетчик уже докладывает Мартиросову, что отсыпано более двух тысяч кубометров камня. Многие шоферы дали по две нормы. Впереди опять идет Игнат Костенко: еще один рейс, и задание будет выполнено им на 300 процентов.

Мартиросов одобрительно кивает головой и говорит десятнику:

— Вызовите водолазов. Надо проверить, как ложится камень на дно реки.

К Мартиросову подходит Вирхилио Льянос.

— Ого, здорово вы тут развернулись! Наверное уже половину горы Могутовой в Волгу сбросили...

— Нажимать надо, Вирхилио, нажимать. Смотри, как лед уже потемнел, — ответил, бросив быстрый взгляд на Волгу, Мартиросов.

— Вы правы, Константин Николаевич. А у меня опять задержка получается. Так хорошо дело пошло и снова препятствие...

— Тебя беспокоит наклон шпунтовой стены? — Мартиросов посмотрел на Льяноса. — Дело, конечно, сложное. Я смотрел сегодня — стена накренилась на участке в 120—150 метров. Отчего произошло это — понятно: неравномерно с обеих сторон шел намыв песка. И предупредить было трудно. Но что же ты решаешь предпринять?

— За эту задачу взялись инженеры из управления строительства, — ответил Льянос. Он подробно рассказал о проекте, над которым сейчас работают в управлении. Со стороны, противоположной наклону шпунтовой стены, у самого основания предполагается пробить сплошную траншею глубиной 3—4 метра, чтобы легче было сдвинуть грунт. На льду устанавливаются мощные лебедки. За-

тем на гребень стены шпунта одеваются швейлеры и лебедки с помощью тросов начинают выправлять железный забор.

— Есть и второй проект, Константин Николаевич, но он еще более сложен.

— Так... так... — проговорил Мартиросов. — Значит, надо устанавливать специальные лебедки? Но ведь это займет много времени, Вирхилио. Да и не так-то просто закрепить их на реке якорями. И, мало того, надо еще пробить в мерзлом грунте траншею длиною почти 300 метров... А в каком состоянии эта работа, что уже сделано?

— Пока только разрабатывается проект, Константин Николаевич. Делают чертежи...

— Мне кажется, Вирхилио, что товарищи слишком усложняют проблему. Чувствуется в этом проекте кабинетный подход. Нельзя ли найти другое решение? Тут стоит подумать... Вот что, Вирхилио, заходи вечером в прорабскую, обсудим. А я пока с народом посоветуюсь.

Утром на участок приехал один из авторов проекта выпрямления шпунтовой стены. Мартиросов доложил ему свой план: никаких лебедок не надо — выравнивать стену бульдозерами. И сплошной траншеи тоже не надо — траншею рыть только там, где плечо железного забора недостаточно высокое.

— Довольно упрощенно у вас получается, товарищ Мартиросов, — улыбнулся, прищурив глаза, инженер из управления. — Чтобы выровнять стену, необходимо преодолеть сопротивление жесткого, мерзлого грунта. Что тут сделают ваши бульдозеры? В лучшем случае ими можно сломать шпунт. Вы инженер и должны понимать...

«Бойтесь на шаг отступить от учебника, — подумал Мартиросов, глядываясь в неровную стену шпунта. — А мы все-таки рискнем. Риск, основанный на расчете, оправдывает себя...»

Старший прораб подошел к работавшим на перемычке бульдозеристам Бобкину и Вечкутову. Он говорил с ними о своем проекте раньше, бульдозеристы горячо одобрили его замысел, но теперь инженеру хотелось посоветоваться с ними еще.

— Был сейчас один товарищ из управления. Он не одобряет нашу затею.

— Небось в мощности бульдозеров сомневается? —

спросил Петр Вечкутов. — Мощность у наших машин хорошая...

— Он считает, что бульдозер сломает шпунт.

— Понимаю... Как бы чего не вышло, да? Если с умом работать, не сломает.

— Не подведем, товарищ Мартиросов, сделаем! — поддержал Бобкин.

О новом, третьем, проекте доложили Шапошникову. Главный инженер сразу же оценил его преимущества.

— На такой риск итти можно. Действуйте! — твердо сказал он.

...У основания нагнувшейся стены насыпана невысокая ровная грязь песка. С противоположной стороны местами открыты небольшие траншеи. Все готово к тому, чтобы начинать. Мартиросов, подняв руку, командует бульдозеристам:

— Вперед!

Взревели мощные двигатели. Громоздкие сильные машины медленно пошли к железной стене.

Первым вывел бульдозер Петр Вечкутов. Простое сухощавое лицо его сейчас строго, брови сошлись на переносице. Но рычагами он действует, как всегда, спокойно и ровно.

— Мягче бери, Петя, мягче... — кричит ему стоящий рядом с Мартиросовым Вирхилио Льянос.

Вечкутов не отвечает. Немигающий взгляд его устремлен на шпунтовую стену, она все больше надвигается на бульдозер. Стальной нож машины поднят до предела. Еще метр, еще полметра и он коснется шпунта.

Мартиросов спокоен. Он быстро справился с охватившим его сначала волнением и теперь молча стоит в стороне, наблюдая за машинами.

...Стена вздрогнула. Плавный, настойчивый нажим всей широкой площадью ножа, еще... В земле, у основания шпунта, образуется щель, ее моментально заполняют песком. Еще нажим, еще... Стена больше не вздрагивает. Медленно, очень медленно она отжимается назад.

— Хорош, Вечкутов, хорош! — радостно кричит Мартиросов. Сейчас, когда успех обеспечен, он уже не сдерживает себя.

Бульдозерист ослабляет нож, медленно проводит рукавом замасленной куртки по влажному лбу и снова берется за рычаги. Большой стальной нож тяжело опускает-

ся на песок, заполнивший образовавшуюся в мерзлом грунте щель, трамбует его короткими сильными ударами.

Грохочут бульдозеры. Металлическая стена выпрямляется одновременно на широком участке. Сжимается, отступает под напором могучих машин крепкий, как камень, скованный грунт. И нигде ни одной поломанной шпунтины!

— Вот и сделано, Вирхилио, — негромко говорит, поворачиваясь к Льяносу, Мартиросов.

Льянос с уважением смотрит на него.

— А смелый вы человек, Константин Николаевич!

— Всей жизнью мы воспитаны так, Вирхилио, — быть смелыми.

IX

Старший прораб Сатин беседует с секретарем партийной организации Гидротехнического района Ивановым. Они стоят на фланге высокой земляной дамбы, стеной поднявшейся над котлованом. Сотни тысяч кубометров земли уже уложено в целиковую перемычку. На 900 метров протянулась она вдоль берега.

Слушая Сатина, рассказывающего о делах на своем участке, Иванов внимательно следит за тем, что делается сейчас на перемычке. Самосвалы поднимаются на дамбу с нескольких направлений и, соединившись в один поток, кругами расходятся по высокому хребту. Бульдозеры сейчас же разравнивают сброшенную самосвалами землю, следом за ними идут тракторы, трамбуют грунт своими широкими гусеницами.

— Сколько работает автомашин, Майеслав Сергеевич?

— Восемьдесят.

Секретарь партийного бюро доволен. Движение машин спланировано отлично. Ни секунды задержки. Сатин стоит сейчас в стороне от карты отсыпки. Но это его твердая, умелая рука ведет поток машин. Он создал и ввел в действие всю сложную систему движения машин на перемычке, систему, где рассчитан каждый метр и учтена каждая секунда. Управление потоком потребовало большого искусства. Карта отсыпки занимает по фронту только 100 метров. Расширить ее нельзя, — наращивание грунта должно ити быстро, иначе земля промерзнет.

Наблюдая за четко организованным движением ма-

шин на перемычке, Иванов думает о том, как многому научились строители, рабочие и инженеры, за эту зиму, как много им пришлось преодолеть трудностей. Два миллиона кубометров грунта намыли в зимние месяцы гидромеханизаторы. Два миллиона! А давно ли считалось, что землесосные снаряды совершенно не способны работать в зимних условиях? Экипажи земснарядов, в содружестве с инженерами, блестяще решили сложнейшую техническую проблему. Создав специальную установку, с помощью мощных насосов они подняли наверх нижние теплые горизонты воды, сделали майну незамерзающей, открыли путь землесосным снарядам во льдах. А какая огромная работа выполнена на котловане! Разве в начале зимы не было таких дней, когда экскаваторы давали в два-три раза меньше того, что они давали летом? Однако уже в декабре многие бригады экскаваторщиков стали работать по летним нормам. И здесь также сыграло свою роль замечательное содружество новаторов производства и инженеров. Новые методы разработки грунтов в зимних условиях специально обсуждались на технической конференции района, созванной по инициативе партийной организации.

— Мы должны обобщить накопленный опыт, — говорит Иванов инженеру Сатину, — глубоко, научно обобщить. Это дело большой государственной важности.

— Правильно. Наш опыт принесет большую пользу всем стройкам страны.

— Решено создать комиссию, которая специально займется изучением и обобщением опыта строительства в зимних условиях. В нее войдут стахановцы и инженеры, в том числе вы и прораб Андрианов. Вам, молодым инженерам, эта работа принесет большую пользу... Да, один вопрос к вам: вы составили план своей личной учебы?

— Составил, Петр Дмитриевич. И занимаюсь.

— Вот это хорошо. Завтра приходите на очередную лекцию по философии.

Смена подходит к концу. Над синеющей Волгой густеет вечерняя дымка. Освещенные закатом склоны горы Могутовой кажутся фиолетовыми. На льду поблескивают небольшие лужицы воды.

Иванов смотрит на Волгу, потом медленным широким взглядом окидывает строительную площадку.

— А работы еще много, товарищ Сатин. Надо спешить. Я думаю, что вашу целиковую перемычку можно закончить значительно раньше установленного срока. Это позволило бы перебросить на основную перемычку еще 80 машин. Просмотрите еще раз ваши резервы, поговорите, что еще можно сделать...

На дамбу, беседуя между собой, поднялись инженер Мартиросов и экскаваторщик Евец. Увидев Сатина и Иванова, подошли к ним.

Поток машин на строительной площадке начинал редеть. Автосамосвалы, сбросив грунт, уходили в гаражи на заправку. На несколько коротких минут, пока идет сдача смен, умолкли копры. По радио, через многочисленные громкоговорители, установленные на площадке, передаются итоги дня. Люди группами стекаются к рефлекторам.

— Задание по забивке шпунта перевыполнено, — разносится голос диктора. — Впереди идет группа копров, возглавляемая старшим прорабом комсомольцем Ляниным... Вдвое перевыполнено задание по отсыпке камня...

— Молодец, Константин Николаевич, поздравляю, — говорит, протягивая руку Мартиросову, Евец.

— Подожди, Михаил Юрьевич, сейчас о тебе скажут...

— На выемке грунта из котлована новых успехов добились бригады экскаваторщиков Лямина, Мячева, Волчкова, Евеца... Первенство остается за бригадой коммуниста Евеца. Сменное задание выполнено на 210 процентов...

— Что я говорил, Михаил Юрьевич! — улыбается Мартиросов. — Это тебя поздравить надо...

Передача местного радиоузла закончена. Но строители долго еще не расходятся, горячо обсуждают итоги дня. Люди, работающие на перемычке, задерживаются у котлована: надо посмотреть, как он подался за этот день. Экскаваторщики, в свою очередь, не уходят домой, не побывав на перемычке, у копровщиков.

На дамбу не спеша поднимается невысокий человек в стеганой куртке, подпоясанной солдатским ремнем. Окинув хозяйственным взглядом перемычку, он спрашивает, обращаясь к Сатину:

— Успеем, товарищ инженер?

Это машинист шагающего экскаватора Андрей Шунайлов. Сатин частенько видит его на перемычке.

— Весна-то уже идет, — добавляет Шунайлов, словно объясняя причину своего беспокойства.

Посмотрев на машиниста экскаватора, Сатин ответил:

— Успеем! Обязательно успеем!

Он видел, как беспокоится коллектив за успех общего дела, и это заставило его с особой силой почувствовать всю ответственность, которая возложена на него.

— Это хорошо, — удовлетворенно проговорил Шунайлов. — У нас, среди экскаваторщиков, такой разговор идет: не в пять бы, а в четыре года построить гидроузел. Великое дело народ нам доверил!

Он помолчал. Потом, будто доверяя самое сокровенное, задушевно сказал:

— Я, когда настройку нашу смотрю, — о будущем думаю. Какие хлеба у нас поднимутся, какие урожаи будут... И вся степь огнями озарится...

Гвардии рядовой Андрей Шунайлов, вернувшись с войны в свои родные края, в Поволжье, решил стать агрономом. Гвардеец окончил курсы агрономов и, не жалея сил, стал трудиться на колхозных полях. Но богатым Заволжским землям часто не хватало влаги. Андрей Шунайлов жил одной думой: как победить суховеи, как напоить водой степь. Когда началось сооружение величайших в мире гидроэлектростанций, он приехал настройку и, явившись в отдел кадров, сказал:

— Какая тут у вас самая нужная, решающая профессия?

Ему объяснили, что в короткий срок предстоит выполнить огромные земляные работы, потребуется много экскаваторщиков.

Андрей Шунайлов выучился на машиниста экскаватора. И вот теперь он работает на шагающем, каждый день дает по две нормы.

Когда Шунайлов ушел, Иванов, не в силах сдержать волнения, сказал:

— Какие у нас люди, какие люди! Вот он, Шунайлов — рядовой рабочий, экскаваторщик... Он судьбой всей стройки живет, всей страны. Как это он сказал: великое дело народ нам доверил...

— От сердца сказал человек, — негромко проговорил Михаил Евец. — Он цель свою хорошо видит. А цель у нас большая и ясная.

На берегу вспыхнули, разорвав вечерний сумрак,

электрические огни. Зажглись гирлянды ламп над Волгой, озарив возвышающейся на гигантской башне ведущего копра барельеф товарища Сталина. Справа, там, где сверкают сейчас, сливаясь в сплошное огненное кольцо, лучи автомобильных фар, ярко алеет лозунг: «Вперед, к победе коммунизма!»

Утихший было на короткое время строительный гул нарастает с новой силой.

Иванов, обращаясь к инженерам, приглашает:

— Пойдемте, товарищи. Нам по пути.

— Нет, я еще задержусь, — отвечает Сатин. — Пришли сменные прорабы, надо поговорить с ними... Думаю, что сроки строительства перемычки мы сократим еще. Да, график надо пересмотреть!

X

Наступившая оттепель привела за собою метели. Весенний ветер гудел, не утихая, над просторами Волги, гнал потоки мягкого влажного снега, засыпая дороги, навевая на крутые выступы Жигулевских гор огромные снежные шапки. Но уже не так глухо, как зимой, а весело шумели на склонах Жигулей могучие сосны, и в самом ветре, буйном, порывистом, пела всепобеждающая сила весны.

Метели утихли так же внезапно, как и пришли. Над голубыми снегами засверкало яркое, горячее солнце. Зазвенели веселыми колокольчиками ручьи. А скоро по склонам гор понеслись шумные потоки талых вод. Стекаясь в долины, они лавиной устремлялись к Волге. Река сразу потемнела, по синему льду широкими озерами разлились вешние воды, отражая голубизну неба и сияние солнца.

Еще никогда напряжение на строительной площадке не достигало такого накала, как в эти весенние дни. Вступали в строй новые и новые копры, башенные краны, прибыли двадцатипятитонные автосамосвалы. Удары молотов, частая дробь вибраторов, напоминающая пулеметные очереди, рев сотен самосвалов, бульдозеров, тракторов, грохот падающего в пучину реки камня — все это сливалось в сплошной и непрерывно нарастающий гул. На кабинах мчащихся к реке машин лозунги: «Все для перемычки!». «Что ты сегодня сделал для перемычки?» —

спрашивает огромный плакат, вывешенный у копров. Из рук в руки передаются листки «молнии», сообщающие о новых победах строителей, сигнализирующие о недостатках. Каждая бригада, каждый экипаж копра и экскаватора, каждый рабочий знает, что он должен сделать сегодня и завтра, чтобы одержать победу. Через каждые два-три часа радио передает сообщения о ходе строительства. Партийная и комсомольская организации, политический отдел развернули огромную работу, сплачивая и вдохновляя многотысячный коллектив строителей на успешное выполнение ответственной задачи.

Стена шпунта далеко ушла вперед. Но там, где в Волгу врезается вершина оголовка перемычки, где напор воды будет особенно сильным, зияет широкий разрыв. 76 метров надо пройти копрам Льяносу, чтобы соединить железную стену, дойти до шпунтовых ячеек, сооружение которых уже подходит к концу.

Вирхилюо Льянос, распахнув кожанку, руководит рабочими, прокладывающими рельсовый путь. Время от времени он бросает взгляд на копры. Работа идет четко. Предусмотрено и спланировано все.

В грохоте стройки слышатся зычные голоса закоперщиков:

— Вира — блок!

— Майна — молот!

Одни копры вбивают сваи в дно реки, другие, идущие сзади, наращивают второй ярус. Бригада электросварщиков едва успевает за копровщиками. Над железной стеной сухим треском рассыпаются огненные брызги.

К электросварщику Ивану Никулину, работающему у самого копра, подходит машинист Михаил Бурдин. Взглянув, как быстро и плотно ложится шов, он озорно кричит сварщику.

— Давай, давай, Никулин! Двадцать тонн шпунта должны сегодня дать...

— Мало, Миша! — отвечает, не отрываясь от аппарата, Никулин. — Двадцать пять!

Еще одна шпунтина сварена. Никулин, опустив на минуту щиток, расправляет сильные плечи и кричит работающему рядом газорезчику:

— Готовы накладки? Давай быстро!

Снова раздается сухой треск электросварки. Пока коп-

ровщики поднимают очередную шпунтину, Никулин успевает наварить пластины на верхний конец сваи, которую сейчас будут забивать в дно Волги. Через несколько минут он уже снова сваривает стену.

Льянос невольно любуется работой Никулина. Кажется, сегодня этот замечательный мастер превзошел самого себя.

На перемычу все идут и идут автосамосвалы. По обеим сторонам шпунтовой стены пласт за пластом все выше поднимается земляная насыпь. А там, на правом фланге, сверкает на солнце пульпа, падая водопадом на поднимающийся из воды остров. Горячая работа кипит на всем полуторакилометровом протяжении перемычки.

Громкоговорители передают волнующую весть: досрочно закончено сооружение дамбы, ограждающей береговую часть котлована. Комсомольско-молодежному проработству, возглавляемому инженером Сатиным, присвоено звание лучшего проработства района. Отличившиеся строители премированы.

Вот у копров появляется и сам Сатин. Он радостно возбужден.

— С победой, товарищ! — крепко пожимает его руку Льянос. — Смотри, твои машины уже направились сюда. Какой могучий поток!

— Перехожу на вашу перемычку, — сообщает Сатин. — Приказано ехать на правом фланге...

— Отлично, Майеслав!

Вдоль шпунтовой стены начерчены красные стрелы. Они показывают расстояние, пройденное каждым копром за смену. Над стрелами написаны имена бригадиров.

— А сегодня нашим художникам хватит работы! — говорит, подходя к инженерам и показывая взглядом на стену шпунта, пожилой машинист.

Наметанный глаз Льяноса сразу определяет: да, процентов 170 уже есть... Однако, кивнув головой в сторону Волги, он говорит машинисту:

— Она не ждет, Спирин. Экипаж Бурдина решил сегодня дать 220 процентов.

— От Бурдина отставать не будем, товарищ старший прораб, — с достоинством отвечает Спирин.

Стучат и стучат копры. Метр за метром, все дальше и дальше уходит стена шпунта, чтобы сомкнуться на средине в непроницаемое полукольцо, упирающееся свои-

ми флангами в крутые берега Волги. Ни одна стройка в мире еще не знала таких темпов и масштабов свайных работ. На Волго-Доне в самые горячие месяцы ставили 70 тонн шпунта. На строительстве Куйбышевской ГЭС темпы забивки шпунта довели до 3000 тонн в месяц!

Вечером, как только закончилась смена, строители собрались у котлована. Секретарь партийного бюро Иванов зачитывает проект письма коллектива Куйбышевгидростроя товарищу Сталину.

Льянос, Мартиросов, Сатин, Никулин, Бурдин, Евец стоят рядом на холме взрыхленной земли. В наступившей тишине громко звучит голос парторга:

— Мы единодушно принимаем на себя следующие социалистические обязательства: досрочно выполнить государственный план 1952 года по строительно-монтажным работам... Обеспечить начало бетонных работ по зданию гидроэлектростанции в октябре и по нижнему шлюзу в сентябре 1952 года...

— Вот это по-настоящему. Принимаем! — негромко говорит Никулин. — Хорошо, Константин Николаевич, а?

— Хорошо, Никулин... — Мартиросов кладет руку на его широкое плечо.

Секретарь партийного бюро окидывает взглядом сотни людей, слушающих его с напряженным вниманием.

— ...На передовую линию фронта борьбы за коммунизм поставили Вы нас, товарищ Сталин, и мы, участники великой стройки сталинской эпохи, сознавая всю глубину ответственности за то высокое доверие, которое оказано нам, обещаем Вам, дорогой наш вождь и учитель, направить все наши силы, энергию и опыт не только на выполнение, но и на перевыполнение взятых нами обязательств.

Взрывом гремит над Волгой овация. От всей души, от всего горячего сердца дают клятву строители своему великому вождю и учителю.

Поздним вечером Льянос снова пришел на строительную площадку. Подходя к копрам, он заметил высокую фигуру электросварщика Ивана Никулина. Со щитком

и пачкой электродов в руках тот направлялся к шпунтовой стене.

— Опять пришел, Никулин?

— Не уходил еще! — улыбнулся, блеснув белыми крепкими зубами, электросварщик. — Такой сегодня день...

— Да, у тебя сегодня 375 процентов.

— Нет, не в этом дело, — с лица Никулина сошла улыбка. — Такую клятву дали сегодня, товарищ Льянос...

— Да, всему народу, товарищу Сталину слово дали... И мы сдержим его, Никулин! — лицо Вирхилио осветилось волнением.

— А знаете, — вдруг весело заговорил Никулин. — Мне сегодня тридцать лет стукнуло. Именинник!..

— Так что же ты молчал, а? Отметить надо... Постойка, вон, кажется, Мартиросов идет... Константин Николаевич!

Мартиросов подошел.

— Ну, Вирхилио, и денек сегодня... Три тысячи тонн камня положили! А ночная смена решила еще больше дать!

— Это очень хорошо, Константин Николаевич. Но есть и еще одно важное событие. Никулин — именинник: тридцать лет!

— Поздравляю, товарищ! — Мартиросов обнял электросварщика за плечи. — Угощаем, Вирхилио, именинника шампанским!

— Обязательно!

* * *

Широко, привольно разлилась весенняя Волга, затопив острова, песчаные косы, прибрежные низины. Недержимая в своем половодье, она стремительно несет к морю могучие вешиные воды, и, кажется, нет, не может быть преграды, которую она не смогла бы сокрушить на своем пути.

Шапошников смотрит на Волгу и, обращаясь к сопровождающим его инженерам, говорит:

— Какая красавица, а? А силы, силы сколько!

Они стоят на высоком гребне перемычки. Внизу глухо шумит, клокочет река. Темные волны с грохотом бьются о каменные откосы и, сшибаясь друг с другом, откатываются назад, оставляя на острых камнях корич-

невую пену. Почти до середины реки протянулся, возвышаясь над волнами, гигантский вал перемычки. На крепких, каменных откосах его еще сверкают льдины — следы недавней жестокой схватки. Сломав ледяные оковы, Волга бросилась на перемычку всей силой весеннего половодья. Льдины наступали на земляную плотину густой массой. Со звоном и треском громоздились они одна на другую, с каждым часом усиливая свой натиск. Волга не хотела сдаваться. Вода поднималась все выше и неудержимым потоком, в грозном кипенье неслась на перемычку. Но нет, не одолеть ей могучей преграды! Скрепленная железом и камнем, возведенная рукою советского человека, она крепка, как гранитный утес.

Шапошников поворачивается к инженерам:

— Горячим будет это лето, товарищи. Объем работ увеличивается больше чем в три раза. Новые, большие задачи будем решать.

Потом обращается к Вирхилио Льянису.

— Подписан приказ о назначении вас главным инженером нового участка. Первым начнете бетонные работы... Товарищу Сатину, — Шапошников с улыбкой посмотрел на молодого инженера, — товарищу Сатину мы поручили строить канатную дорогу через Волгу. А Мартиросов останется командовать здесь, готовить котлован под фундамент здания гидроэлектростанции... Да, товарищи, большие дела впереди.

А Волга, необозримо широкая, залитая ярким весенним солнцем, шумит и пенится. С берега доносится гул моторов, звонкий перестук копров. В ворота, оставленные в перемычке у горы Могутовой, входят землесосные электрические снаряды.

Начинается новый этап великих работ.

22

90 коп.

**КУЙБЫШЕВСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО**
1 9 5 2